

ВИКТОРИЯ ЯНУШЕВСКАЯ

«СТАРЫЙ ДУБ»

*Сцены английской жизни
в тридцати комнатах care home*

На обложке:
иллюстрации Светланы Бундиной

*Музей благодарит студию шрифтового дизайна TypeType
за предоставленные для книги шрифты*

Янушевская, Виктория Александровна.
Я65 «СТАРЫЙ ДУБ» : Сцены английской жизни в тридцати комнатах
cage home / Виктория Янушевская. — Санкт-Петербург : Музей
уникальных вещей, 2024. — 128 с. — (Книга — утешение).

ISBN 978-5-6050630-1-8

«Старый дуб» — это книга, состоящая из собранных под одной обложкой рассказов, написанных и опубликованных на сайте музея в 2021—2023 годах. Герои рассказов — постояльцы и сотрудники небольшого дома престарелых — частного cage home — в Великобритании. Книга позволяет читателю прожить четыре времени года в живописной английской деревне, получить знания о зарубежной практике ухода за пожилыми, центром которого является человек, а также опыт добра, ироничного взгляда и деятельного сострадания. И, может быть, найти утешение.

Ранее в России публиковались романы Виктории Янушевской: «Re:мейк» — псевдоним Вика Милай, 2009; «Дым семи снегов» — в соавт. с Андреем Евдокимовым, 2008.

УДК 82-3(47)
ББК 84(2=411.2)6

Коллекция
Музея уникальных вещей, 2024

ВИКТОРИЯ ЯНУШЕВСКАЯ

«СТАРЫЙ ДУБ»

*Сцены английской жизни
в тридцати комнатах care home*

Графика Светланы Бундиной

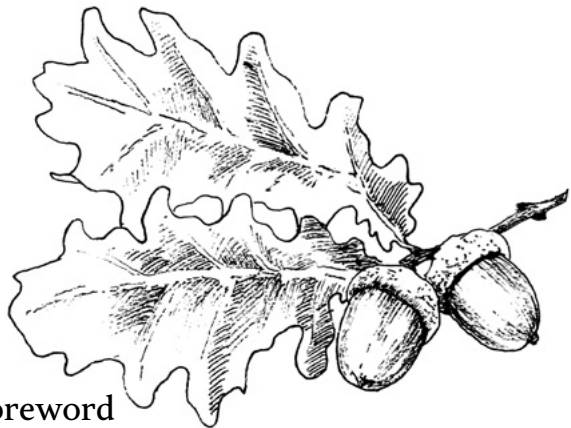

Музей уникальных вещей
Санкт-Петербург
2024

F

: Foreword

[Начало]

Собеседование назначили на десять утра. Я помню, что очень волновалась и целый вечер выписывала из словаря разные выражения о мотивации, трудолюбии и оказании положительного влияния на жизнь моих будущих подопечных. Спала накануне плохо и никак не могла подобрать подходящий случаю наряд. Тогда я даже не могла себе представить, с чем мне предстоит столкнуться в доме престарелых на окраине небольшой английской деревни. Но если б меня снова, годы спустя, пригласили на собеседование, я бы не задумываясь пошла, чтобы получить эту работу.

Чтобы ежедневно заходить в тесные комнаты постояльцев, где из мебели только стол, шкаф и кровать, где на стенах фотографии молодых незнакомцев, где в рукаве свитера обязательно прячется салфетка, где вечно пропадают очки, недочитанная газета сползает с одеяла на ковер, а маленький ночник, как маяк, горит у изголовья до рассвета и тени липовых ветвей одобрительно кивают за окном.

Чтобы узнать, как мучительна порой любовь, как терпелива смерть, как слепит рассветное солнце, когда открываешь утром занавески, и как немеют пальцы, когда закрываешь чьи-то глаза.

Чтобы каждое утро встречать в коридоре Берту в плаще поверх ночнушки, с чемоданом и зонтом:

— Святые небеса, Берта, что ты тут делаешь?

Глупые вопросы — вот что действительно раздражает Берту.

— Как что? — она вздыхает и закатывает глаза. — Автобус жду.

Чтобы каждый обед успокаивать Айрин, которая упрямо отодвигает от себя поднос, устало откидывается на спинку кресла:

— Для начала я хотела бы знать, кто это все оплачивает. Дело в том, что у меня с собой нет денег.

— Айрин, сегодня все бесплатно.

— Бесплатно? — недоверчиво переспрашивает Айрин.

— Да, подарок на Рождество.

— А-а-а, Рождество, — успокаивается прижимистая старушка и в середине лета, и ранней весной. — Ну тогда другое дело. А десерт?

— И десерт.

Я снова хочу приносить перед сном стакан теплого молока для Маргарет, чтобы ей приснились хорошие сны, я хочу сажать в саду розы с Салли («Виктория, я забыла, откуда ты, — из Кении?»).

Я хочу каждую неделю, перед визитом сына, завивать и укладывать волосы Мэри:

— Дорогая, а теперь посмотри в зеркало. Нравится?

— О! Мило, правда очень мило. Спасибо большое.

Начало

— Ну и отлично. Я беру гораздо меньше, чем наш парикмахер. С тебя всего десять фунтов.

— Что?

— Я говорю, с тебя всего-то десять фунтов.

— Не слышу, совершенно ничего не слышу, — Мэри кричит натужно, округляет глаза, жестами показывает на слуховые аппараты в ушах и сокрушенно разводит руками...

Мое собеседование прошло удачно и меня взяли на испытательный срок, шесть месяцев. Менеджер попросил подождать в фойе. В коридоре стояла пожилая женщина и сосредоточенно доедала бумажную салфетку, женщина помоложе держала ее за руку и тихо повторяла: «Мама, я так скучаю, я так скучаю по тебе, мама». Обе смотрели в окно.

А : Anabel

[Анабель]

Рояль привезли рано утром. Двое рабочих вкатили его в Дом и приспустили чехол. Огромный блестящий инструмент распластался, как выброшенный на сушу кит, и занял собой почти весь холл. Сотрудники охали и почтительно втискивались в небольшой зазор между черным корпусом и столом администратора.

Анабель долго выбирала для него подходящее место, советовалась со словоохотливыми грузчиками, щурясь, нервно обсасывала дужку очков. Ее сосед продавал коттедж и не знал, куда девать рояль, на котором когда-то играла его дочь. Анабель предложила привезти его к нам и сообщила начальству. Менеджер работал с Анабель давно — он отнесся к идее настороженно, восторга не разделил, но, созвонившись с главным офисом, нехотя согласился.

При нашей первой встрече Анабель церемонно представилась: «Ресепшен-менеджер». Пять дней в неделю она сидела на входе за массивным лакированным столом и отвечала на звонки, встречала посетителей, поливала цветы и кормила толстого ленивого кота,

который жил в теплице. Твидовый костюм, безупречная укладка и легкий макияж — вид Анабель имела самый представительный. Говорила уверенно и была настоящей англичанкой, у которой «да, но...» означало бесповоротное «нет», завернутое в несколько цветастых упаковочных слов, не меняющих сути, но смягчающих удар. Многие иностранцы ошибочно принимали подобные лексические обороты за лицемерие, но я скорее соглашусь со своим соседом Филиппом, который как-то пояснил: «Мы просто не любим расстраивать людей». Анабель верила во все: силе чашки чая, разговоров о погоде и позитивного настроения.

Встревоженные родственники порой звонили, спрашивали о самочувствии постояльцев, попав случайно на ресепшен вместо медсестринской. Анабель их не разочаровывала: постояльцы все как один были румяны, аппетит имели отменный, спали беспробудным сном и в полдень гуляли в саду, играли в настольные игры, пребывая при этом в отличном настроении, в точности как в рекламе крема для фиксации зубных протезов.

Однажды, ранним утром понедельника, Анабель пела в трубку грудным голосом. Да, да, она видела Джима недавно: он гораздо, гораздо лучше выглядит. Администратор авторитетно понизила тон: «Такой, знаете, цвет лица стал замечательный. Что говорите? Кушает? Прекрасно кушает — заметно повеселел!» И только к полудню она узнала, что Джим, мрачный желтый старик, живущий на первом этаже, которого она видела в пятницу в столовой, на выходных увезен в больницу в тяжелом состоянии.

Подобные накладки нисколько не смущали Анабель. Она была убеждена, что родственники звонят в дом престарелых для того, чтобы услышать «хорошие новости», а не узнать спозаранку, что их дядю всю ночь тошнило или у их бабули был понос. Потому Анабель больше полагалась на свое вдохновение, чем на медицинские записи в истории болезни.

Надо отдать ей должное, несмотря на выговоры начальства, она упрямо выжимала из любых обстоятельств «хорошие новости», как воду из камня. Менеджер накалялся добела, объясняя Анабель основы использования конфиденциальной информации и защиты персональных данных, авторитетно ссылаясь на законодательный акт от две тысячи восемнадцатого года. Она кротко кивала, собирая шерстяные катышки на рукаве, и видно было по всему, что поступать она продолжит по-своему, хоть ты ей кол на голове теши.

...Наконец Анабель выбрала место — в правом углу гостиной, у окна. Грузчики неохотно отставили чашки, из которых пили чай, и покатали рояль через весь холл, мимо офиса менеджера, в просторную гостиную, где обычно проходили концерты, собеседования и религиозные мероприятия, проводимые улыбчивыми женщинами, по которым за версту было видно, как сильно они любят Иисуса.

Во время перерыва я пришла в гостиную, открыла холодную крышку, обнажив ряд белых клавиш. Я еще что-то помнила с музыкальной школы и медленно, с ошибками сыграла «Старинную французскую песню», которую разучила на втором году занятий. Потом попробовала вспомнить вальс. В гостиную вошла Анабель.

— Виктория, как чудесно ты играешь! — воскликнула она.

Забежал Корнел, за ним появились завхоз, Камилла, Даниель. От всеобщего внимания я разволновалась и, сбиваясь, сыграла пару пьес, которые немного помнила.

На следующий день Анабель остановила меня в коридоре:

— Виктория, ты знаешь, у меня родилась прекрасная идея.

После этих слов я должна была насторожиться, но я только улыбнулась, потому что работала в Доме всего третью неделю и совсем не знала Анабель. Она, как пятничный паб — людьми, была битком набита идеями одна лучше другой.

— А почему бы тебе не сыграть что-нибудь на рождественском вечере, который мы устраиваем для сотрудников и постояльцев? Это было бы так здорово! Анна обещала спеть, Даниель сыграет на гитаре, и у нас может получиться маленький концерт.

За окнами стоял дождливый ноябрь, до конца декабря было время выучить какую-нибудь небольшую, подходящую случаю композицию — решила я и согласилась. Я нашла ноты песни «We wish you a Merry Christmas» и принялась разучивать. Около месяца я приходила на работу раньше и усердно тренировалась, а за три дня до концерта устроила генеральную репетицию. Сразу после обеда я пригласила Мэри, Маргарет и Камиллу в гостиную, раздала им листки со словами и попросила петь под мой аккомпанемент. Это оказалось сложнее, чем я предполагала: мои певицы то отставали, то опережали меня, и только к концу

куплета мы попадали в такт. Старушки смеялись и, перебивая друг друга, жаловались на плохой слух. Под конец мне удалось сыграть без единой помарки.

Пришел день концерта. После завтрака я поймала в коридоре Даниеля, чтобы договориться, в каком порядке мы будем выступать. Он замялся:

— Да ты понимаешь, времени совсем не было подготавливаться. Я предупредил Анабель. Я же давно игралто, многое забыл уже.

Я бросилась к Анне.

— Виктория, я что-то подумала, я не чувствую в себе сил, я боюсь выступать. Все будут на меня смотреть. Я не готова к этому.

И тут я пожалела, что согласилась. Я отыскала Анабель.

— Ничего страшного, что Даниель и Анна отказались, — успокоила она, — будет еще вручение подарков, танцы, угощения, и споем вместе песню.

Меня вызвали, когда я кормила Эрика. В гостиной за круглым столом сидели коллеги, постояльцы и их родственники. Мои ноги стали ватными, руки — непослушными. Все смотрели на меня, только на одну меня, и этого я не репетировала. Мне казалось, что они слышат, как ухаает мое сердце. С кривой, вымученной улыбкой я раздала всем листки со словами песни. Предусмотрительная Анабель вручала слушателям звонкие бубенчики, чтобы мне подыгрывать.

Я открыла крышку рояля и подала сигнал кивком головы: “We wish you...” Грянули бубенцы... Это был грандиозный провал с первой ноты и до последней — провал провалов! Металлический грохот заглушал звуки рояля, но я отдаленно слышала, как

нестройный мой хор заканчивал первый куплет в тот момент, когда я бойко выколачивала из клавиш начало припева. Руки меня отказывались слушать, голова не работала, и порою я ловила себя на страшной мысли, что не помню, какой аккорд идет за фа мажорным. До мажор? Ля? Я пробовала ля мажор вместо до и наоборот.

Этот пятиминутный позор казался мне тогда многочасовой пыткой. От досады у меня чуть не выступили слезы — я тренировалась целый месяц почти каждый день, я засыпала под звуки уже ненавистой музыки и, просыпаясь, казалось, слышала вкрадчивое: "...and happy New Year". Я почти сотню раз играла без ошибок, чтобы сейчас испугаться всеобщего вни-мания и испортить всю песню.

Отзвенели бубенцы, отгремела музыка, и после короткой паузы раздались аплодисменты. Я встала, сделав над собой усилие, поклонилась, осмотрела присутствующих коллег — свидетелей моего позора, ведь мне с ними еще работать, и, возможно, не один год, и поспешно вышла. «Самое главное, — сказала я себе, — принять невозмутимый вид, как если бы ничего не произошло».

Все продолжали веселиться в гостиной, начались танцы, а я решила немного прибраться в кухне. И только через полчаса я увидела свое отражение в маленьком зеркале — красные пятна предательски выступили по всему лицу и шее.

Ночью я почти не спала. Мне следовало просто сказать, что не хочу, не могу...

На следующее утро я встретила Анабель в холле. Она засыпала зерна в кофеварку.

«СТАРЫЙ ДУБ»

— Я прошу прощения за вчерашнее, — сказала я, пытаюсь казаться как можно более равнодушной и притворно зевнула, — сыграла не совсем как хотелось бы.

Анабель отставила пакет с кофе и вскинула руки.

— О не-е-е-ет, — она долго тянула гласную, как дети вытягивают жевательную резинку изо рта, — нет, ты себе не представляешь, все были просто в восторге! Всем та-а-а-ак понравилось. Ты така-а-а-ая молодец!

Я была серьезно озадачена и не нашлась что ответить. Было не похоже на сарказм. Анабель лучилась искренностью, неподдельным умилением и благодарностью.

«Странные, конечно, ребята эти англики», — подумала я.

— В любом случае, Виктория, — добавила Анабель и доверительно подмигнула, — бубенцы так звенели, что никто из-за них не расслышал музыки.

С того дня прошло много лет. Мы праздновали и Рождество, и Пасху, Хэллоуин и День матери, но больше ни разу Анабель не попросила меня поучаствовать в концерте и сыграть для наших постояльцев.

В : Barbara
[Барбара]

— Bugger off!!! Bugger off you bastards!!! Ba-astards! — раздался истошный женский крик за дверью двадцать восьмой комнаты.

Мужской голос гудел дружелюбным шмелем, увещевал, кружил из угла в угол, но получал яростный отпор — что-то с глухим стуком ударялось о стену, слышался звон разбитой посуды, треск, вопли: «Leave me alone bloody bastar!» Силы противника значительно превосходили, крики слабели и звучали уже как-то обреченно: «Help!!! Please! He-e-e-elp!!!»

— Ничего особенного, — махнул рукой флегматичный румын, распеленывая очередной пирожок из салфетки. — Барбару моют.

После завтрака Корнел знакомил меня с документацией отделения: я заполняла температурные листы и проверяла исправность звонков вызова в каждой комнате, Корнел поедал пирожки.

— Самое главное, Виктория, в сармале — это правильно выбранный капустный лист. Меня мама отправляла за капустой на рынок и всегда говорила:

«Корнеле, не бери русскую белую капусту: у нее лист жесткий».

Дверь распахнулась, из двадцать восьмой комнаты выкатились ходунки, за ними появилась фарфоровая старушка: белые кудряшки, юбочка в пол, кружевная блузочка — Барбара. Она быстро засемила по коридору в сторону столовой, деловито управляясь с ходунками и бормоча: «I can do it, I can do it, I can do it». Барбара выдохлась у входа в столовую, остановилась и почти возмущенно прошептала: «No, I can't do it». Она мотала головой и сокрушенно повторяла, словно убеждала себя сдать: «I can not do it. No, no, no. No way!»

Чуть позже в дверном проеме возник высоченный поляк Даниель: пот стекал по красному лицу, на лбу пылала свежая царапина, в руках скомканное постельное белье, под мышкой полотенце и ночная рубашка.

— Виктория, иди на перерыв, пожалуйста, а мы с Корнелом продолжим, — обратился ко мне Даниель. Слово please он выдавливал тщательно, как подсохшую пасту из тюбика. — И не забудь — перерыв полчаса.

Корнел глубоко вздохнул, укутал пирожок в салфетку и спрятал в карман.

После первой недели обучения и нескольких смен стажировки предстоящая работа казалась несложной. В основные обязанности ассистента по уходу входит утренний туалет подопечных: помыть, нанести увлажняющий крем, поменять подгузники, одеть, перевести из комнаты в гостиную, а также при необходимости помогать при приеме пищи, составлять компанию во время прогулок и при посещении врача, укладывать спать. Но из трехдневного тренинга

Safeguarding я вышла, как Ева из рая, с осознанием своей безнадежной порочности. Дьявол, знаете ли, в мелочах. Я могу, того не желая, выполнить процедуру по уходу без должного уважения и делом ли, словом ли, взглядом унижить достоинство представителя социально уязвимых групп населения и совершить тот самый абьюз, о котором неустанно твердила руководитель курса Хелен. В начале каждого занятия она испытующе оглядывала аудиторию, и линзы ее очков зловеще мерцали.

Обратилась я к Барбаре не по имени, а, скажем, «моя дорогая» — абьюз. «Что за фамильярность? Где уважение? Она ваша бабушка, ваша подружка?» — говорила Хелен. Или вот, например, спросила Питера, который не может удержать ложку в артритных руках: «Можно я тебя покормлю?» Это — big no. Кормят, как известно, собак и лошадей, а мы здесь только помогаем с приемом пищи, ассистируем. Разбудила рано утром, чтобы помочь с душем до завтрака, или, наоборот, не разбудила и оставила без завтрака, не постучалась в дверь, не спросила разрешения поменять подгузник, не дала возможности выбора — «Пюре или запечённую картошку желаете?» — абьюз на оба ваших дома! Для таких грешников повсюду висят плакаты с гневным лицом и тыкающим в тебя пальцем — распознай абьюз, сообщи про абьюз!

Перед обедом Барбара, обняв большую тряпичную куклу, задремала в столовой на диване. И вот моя первая дилемма: разбудить — абьюз, оставить без обеда — пренебрежение, невнимание, «неглект», то есть, как ни крути, тоже абьюз.

Даниель привез большую железную тележку из кухни, начал сервировать обед и распорядился:

— Виктория, поставь музыку, усади Питера, Мэри и Барбару за стол и налей им сок, пожалуйста. Корнеле, ты читаешь меню — я раскладываю по тарелкам.

— Комната шестнадцать — суп и лазанья, — начал Корнел.

Питера я нашла в коридоре, он держался за перила и ожесточённо с ними спорил. Мэри привела из комнаты. Она послушно и преданно держала меня за руку — нет, она не голодна, но в столовую она со мной пойдет, потому что я ей нравлюсь. Ее рука была мягкой и холодной.

— Барбара, — я осторожно тронула старушку за плечо.

— Да, моя дорогая, — сквозь сон отозвалась Барбара.

— Время обеда, пойдем присядем за стол, ты, наверное, голодна.

— Какая прекрасная идея, — улыбнулась Барбара.

Я придвинула ходунки и помогла ей подняться с дивана. По пути к столу у нас случилась совершенно светская беседа о погоде, о планах на выходные, о музыке — так мило и естественно, словно не она часом ранее попыталась вырвать мне волосы и пнуть Корнела, а не дотянувшись ногами, стала плевать в него, и все это после нашей робкой и неосторожной попытки поменять ее подгузник. Я час не могла успокоиться, у меня разболелась голова, а Барбара уже ничего не помнила и обиды ей были неведомы.

Скорее всего, в прошлом она гневалась, ссорилась с мужем и от досады крутилась в постели до полуночи. Я видела фото супруга. Он глядел как недремлющая совесть — суровый и бдительный взгляд с плаката про абьюз, сросшиеся на переносице брови, на всех фотографиях — в костюме. В детстве она обиделась на брата, который поранил ей ногу стрелой из самодельного лука, и год не разговаривала со старшей сестрой, которая как-то уехала без нее в Лондон на выходные. Сейчас же она не помнила ни хорошего, ни плохого. Каждое утро с чистого листа:

— Кто, черт возьми, ты такая? Я задала тебе вопрос — отвечай!

Барбара живет настоящим, вот этими короткими минутами гнева, которые смывает волна беспомысленности, чтобы проступили новые минуты счастья: встречи с дочерьми, глоточек вишневого ликера, любимые песни Веры Линн, Бинга Кросби.

На фотографиях молодая Барбара пьет из бокала, хохочет, запрокинув голову, и держит под руку угрюмого супруга. А вот она со всей семьей на летней набережной в Уэймуте: хмурый муж, стеснительные девочки льнут к ногам, в руках мороженое. Ей лет двадцать пять, и жизнь бесконечна. Голос Гая Митчелла несется из летнего кафе: «Глянь на ту девушку, она как ожившая мечта...» Голубые глаза, белокурые волосы, красные туфли — все это было так давно, что стало черно-белым.

Однажды утром незадолго до Рождества Барбара отказалась вставать, отказалась есть и с того дня и до сочельника оставалась в своей постели, окончательно убедившись, что *she can not do it*. Дочки настроили

«СТАРЫЙ ДУБ»

айпад, и музыка играла у ее изголовья и днем и ночью. Последние дни Барбара не открывала глаз, лежала во флисовом халатике поверх одеяла. На похудевшем лице светилась улыбка. Она скрестила руки на груди, и, если взглядеться, можно было увидеть, как она шевелила розовыми носочками и постукивала пальцами по пуговицам своего халата в такт музыке: «Глянь на ту девушку, она как ожившая мечта, ах, глянь на ту девушку, могут ли голубые глаза быть такими голубыми?»

C : Christmas eve

[Сочельник]

В Англии невозможно чувствовать себя одиноко, пока существует королевская почта. Она работает исправно шесть дней в неделю. Каждое утро красный почтовый фургон останавливается у моих ворот, я слышу шорох гравия, а через несколько секунд щелкает крышка почтового ящика в двери и поток брошюр, писем, счетов, приглашений разлетается по прихожей.

В середине декабря я обнаружила у двери маленький конвертик, внутри открытка: Дэвид и Анна из соседнего коттеджа желают мне веселого Рождества.

Я едва их знала — мы столкнулись однажды летом у моих ворот, когда я вывозила свой контейнер на улицу.

— Какое прекрасное утро, не правда ли? — обратился ко мне Дэвид.

— Да, — ответила я.

— Нам повезло с погодой этим летом, как вы думаете?

— Да, повезло, — кивнула в ответ.

У меня болела голова, я просидела полночи за компьютером в поисках объявлений о работе и к милой английской беседе расположена не была. Дэвид проигнорировал мою неприветливость, церемонно представился. Он — Дэвид Стилл, военный летчик в отставке, а вот, собственно, его жена — Анна Стилл. Анна улыбалась и смотрела на меня не моргая, с открытым и восхищенным любопытством, как смотрят дети и старики. Их добродушный лабрадор был исключительно рад меня видеть, пытался запрыгнуть и лизнуть в лицо, Анна смущенно тянула на себя поводок:

— Извините, он очень любит людей.

Ах да, когда Дэвид служил в Саудовской Аравии, у него была надежная машина «Жигули», и он при случае покажет мне ее фотографию. Знаю ли я такую марку? Я вспомнила, как в папиной «копейке» провалился пол под маминым креслом, и ответила: «Да, эта марка мне знакома». Дэвид поинтересовался, нравится ли мне Англия, обстоятельно разъяснил, по каким дням и в каком месте у дороги я должна оставлять свой контейнер, ожидаемо пошутил про водку и предложил свою помощь, если таковая понадобится.

Анна смеялась и кивала. Я всегда считала удачным союз, в котором жена смеется над шутками мужа. Когда смеется только жена — брак идеальный. Их семейная жизнь, несомненно, состоялась. Оба были на пенсии, кажется, со времен холодной войны. Порой они неспешно прогуливались мимо моего сада, спрашивали, в порядке ли я, желали мне хорошего дня, и я видела, как их белоснежные головы тихо плывут над оградой и исчезают за ку-

старником остролиста. Я никогда не видела их по-рознь.

Вся их жизнь мне кажется добропорядочной, размеренной и обстоятельной. Еще в начале декабря куплены и упакованы подарки, Дэвид усаживается за письменный стол, надевает очки для чтения и составляет рождественский список, согласно которому тщательно подписывает каждую открытку из высокой пачки на столе. Анна в фартуке напоминает из кухни: «Дорогой, а как насчет Виктории из Зимнего коттеджа?» Он выбирает для меня детскую открытку с веселым снеговиком...

Открыткой я украсила мою каминную полку.

На следующее утро медсестра ночной смены сообщила, что Эрик из двадцать пятой комнаты отказывается есть и пить, у него небольшая лихорадка, за ним установлено наблюдение каждые полчаса, и присвоен статус «End of life».

К Эрику пришла попрощаться дочка, такая же худая и печальная. За окнами в маленькой тисовой роще заливались птицы, яркое солнце пробивалось густыми морозными снопами сквозь задернутые занавески.

— Добрый день, Эрик, — сказала я, войдя в его комнату, — а вот и твой обед. Сейчас мы хорошенько покушаем. Ты же не собираешься вот так взять и свалить? — добавила шепотом я. — Ты только посмотри в окно! Не спеши, еще успеешь.

Эрик с подозрением следил за моими передвижениями по комнате. Я подкатила столик к кровати и поставила поднос с обедом: суп, пюре с вареной треской в соусе, йогурт.

Когда-то, очень много лет назад, Эрик был художником. На стенах висят южные пейзажи нездешней палитры. Он много путешествовал по Африке, играл в крикет, но после смерти жены потерял ко всему интерес и жизнь затянуло льдом, как пруд в Диком Саду, оставив крохотную полынью: выбраться утром в магазин за газетой и пакетом молока, просмотреть спортивные новости, подстричь газон. Дочки навещали, привозили продукты, уговаривали выйти с ними прогуляться или посетить местную ежегодную ярмарку, но получали равнодушный отказ. Со временем развилась деменция, он перестал ходить и вот уже года три не разговаривал, порой бывал агрессивен. Сиделка на дому не справлялась, и было решено перевезти его к нам.

Я провела гораздо больше времени, чем положено, пытаясь накормить и напоить Эрика. Мы измучались оба. Эрик ослаб, и было видно, что ему утомительно даже жевать. Я сменила тактику: принесла поилку и вливала апельсиновый сок в чуть открытый рот, уговаривая «за маму, за папу, ну еще глоточек». Камилла дважды заглянула проверить, чем я занимаюсь, и раздраженно заметила, что есть еще постояльцы, нуждающиеся в обеде, и она не может все делать одна. Мне пришлось спешно возвращаться в столовую. И все равно это была маленькая победа: Эрик одолел четверть пюре и совсем немного рыбы, полстакана сока.

В течение нескольких дней я пользовалась любой возможностью заскочить в комнату Эрика, чтобы лишний раз напоить его, включить спортивный канал, проветрить комнату. Мне казалось, что он начал меня узнавать и в ответ на мои вопросы утвердительно

кивать. Через пару дней мы помогли ему принять душ. Вечером я зашла напоить его теплым молоком перед сном. Он лежал розовый и умиротворенный, как после бани. Я уже прикрывала за собой дверь, когда услышала какое-то бормотание. «Заговорил!» — решила я и кинулась к его кровати. Пресвятая Богородица, Царица Небесная... благословенна Ты в женах... Яви чудо!

— Что? Что ты сказал? Повтори, повтори, пожалуйста, — я склонилась над его лицом и замерла.

— Fuck, fuck, fuck, — отчеканил Эрик, затих и больше не произнес ни слова.

Я не смогла удержаться от смеха: вот оно, неисходимое ожидание рождественского чуда! Получи, Виктория, и распишись там, где галочка! Я не стала гадать, была ли это такая форма благодарности или, наоборот, досада на непрошеную помощь и возвращение в мир, с которым он давно попрощался. Лично меня больше устраивал первый вариант.

Коллеги, имена которых я еще не запомнила, каждый день вручали мне конверты с открытками, спрашивали, купила ли я подарки и какие у меня планы на Рождество. У меня не было ни подарков, ни планов.

Сочельник выдался тяжелым из-за наплыва гостей. Родственники постояльцев спешили поздравить всех — вручить сладости, открытки со словами благодарности. Сын Маргарет сыграл в столовой рождественские песни на гитаре. Маргарет обводила всех счастливым взглядом влажных глаз и приговаривала: «Это мой сын». Внучка Салли пришла в костюме Санты и раздавала лотерейные билеты. Жена Питера принесла рождественский пудинг.

Родственники, редко навещающие постояльцев, были требовательны, строги и, казалось, ни на минуту не забывали сумму ежемесячного счета, который выставлял дом престарелых: «Не могли бы вы принести дополнительную подушку? Я вижу, маме неудобно так сидеть», «Бабушка капнула соком на блузку, поменяйте ее, пожалуйста», «Принесите вазу и ножницы, эти цветы нужно срочно подрезать и поставить в воду». Они нуждались в повышенном внимании, им непременно нужно было помочь открыть окно, принести дополнительный стул или салфетки, показать, где они могут помыть руки и куда выбросить упаковку от их подарков. Они приносили громоздкие статуэтки, жесткие, тесные туфли, красивую, но неудобную одежду, которую так трудно надевать на скованные тела постояльцев с деменцией. Они громко говорили в столовой, ни к кому не обращаясь: «Подарил тете Китса в прошлом году и не смог его найти в комнате. Тетя всегда любила стихи» или «Я надеюсь, мама часто бывает на свежем воздухе». Высокомерные гости расспрашивали менеджера и его заместителя о состоянии здоровья родственников, участливо кивали, обещали купить ночные сорочки или теплые носки, чтобы потом пропасть до Пасхи.

В многолюдье и суматохе я почему-то запомнила, как Корнел держал кого-то за пуговицу пиджака в коридоре: «Сорок метров колбасы ручной работы. Можете себе представить?»

К концу смены ныла спина, гудели от усталости ноги. Корнел поделился со всеми мясным рулетом. Оказалось очень вкусно. В столовой было необычно тихо, цветные огоньки мерцали на искусственной

елке в углу, Салли уснула на диване, Даниель заполнял план лечения постояльцев. Я приготовила нам чай. Корнел смотрел в темное окно:

— Эх, если б вы знали, каким было Рождество в моем детстве. В деревне. Счастье. Чистое счастье. Мама пекла козонак, делала сармале, салаты, ребрышки... — Он вздохнул и отрезал еще один ломтик рулета. — Сегодня по всей Румынии в каждом доме — бедном ли, богатом, — у всех накрыт стол. Вчера сестра звонила, спросила, когда я приеду. А как я приеду?

Я вернулась домой немного позже обычного, села ужинать, включила радио.

*I'm dreaming of a white Christmas
Just like the ones I used to know...*

Я сидела одна на крохотной кухне, слушала песню, ела оливье, а слезы беззвучно падали и терялись в майонезном крошечке. Именно под Рождество и Новый год одиночество чувствуется острее, именно под Рождество хочется чуда.

В окне закружили белые мушки. Думала — показалось, но вот уже через пару минут повалил снег, и густая белая пелена занавесила мои окна, накрыла двор, улицу, коттедж Дэвида и Анны, елку у церкви, цветные огоньки, Дом, яблоневый сад и поля за ним. Постояльцы наверняка прильнут к окнам, и кто-нибудь из ночной смены обязательно выскочит на улицу полюбоваться этой захватывающей красотой. И Эрик, я знаю, смотрит не отрываясь на белое бесшумное торжество. Снег в этих местах редкость.

В дверь постучали. На пороге притопывал заснеженный Дэвид.

«СТАРЫЙ ДУБ»

— Вы уж простите, что я немного поздно и без предупреждения. Но мы с Анной подумали и решили позвать вас на рождественский ужин, если вы не возражаете. — Он смущенно кашлянул. — Вы одна, мы тоже одни. Что вы думаете?

Анна ждала у калитки, едва удерживая возбужденного пса на поводке, и улыбалась.

D : Diana

[Диана]

Второй месяц я только и слышу: Диана, Диана. «Ты пока в двадцать первую комнату не заходи: Диана не любит новеньких», — в первый же день предупредил Корнел. В нашем Доме тридцать комнат — по пятнадцать на каждом этаже. В отделении для постояльцев с тяжелыми формами деменции, где я работаю чаще всего, мы держим двери всех комнат приоткрытыми, за исключением двадцать первой: у Дианы паралич, она прикована к постели уже несколько лет и чувствует себя неудобно, когда дверь открыта.

Оттого, что я никогда не видела Диану, ее имя вскоре стало для меня звучать как шифр или секретное послание, понятное лишь посвященным, закодированное сообщение о чрезвычайной ситуации, как «Инспектор Сэндс» на железнодорожных станциях Англии или «Господин Скайлайт» на морских судах. «Диана попросила», «Диана расстроилась», «Диана осталась недовольна», «Вы же знаете нашу Диану — ей сложно угодить». Одно только упоминание о ней вызывало у коллег благоговейный трепет. Во имя Дианы

проходили крестовые походы на кухню в надежде заполучить что-нибудь сверх утвержденного меню у прижимистых и несговорчивых поваров. Под ее штандартами лукавый шляхтич добывал для отделения новые полотенца, посуду, постельное белье и принадлежности. Распаковывая трофеи, Даниель делано и громко вздыхал, чтобы администратор Анабель в зрительном зале расслышала: «Нам так были нужны новые одеяла. Вот и Диана на прошлой неделе жаловалась — замерзла ночью». К слову сказать, во всех комнатах Дома в любое время года тропический пассатный климат, умеренно жаркий и сухой. Я знаю точно: я заносу данные в температурные листы каждое утро — 24–26 градусов.

В январе мне наконец удалось увидеть Диану, убедиться, что она существует, но, оговорюсь сразу, взаимная симпатия между нами не вспыхнула. К тому времени день стал заметно прибавляться, в саду расцвели подснежники, и порывы теплого влажного ветра напоминали ленинградскую оттепель, когда после школы хотелось просто бродить в пальто нараспашку по солнечным улицам без всякой цели. И сейчас, по своей северной привычке дорожить теплыми днями, я выходила пораньше на работу, чтобы успеть послушать оглушительный птичий звон, прогуляться через Дикий Сад, а потом краем поля выйти к северным воротам Дома, застать рассветное солнце над перелеском на холме, дать новому дню легко и без усилий покатиться по склону и успеть в короткой тишине утра заварить чай, накрыть столы, приготовить посуду, обойти комнаты, поболтать с ночной сменой.

Между дневной и ночной сменами отношения всегда натянутые. Дневная смена винит ночных коллег во всех грехах и удивляется, как можно уставать ночью, когда все постояльцы спят, не нужно их кормить, с ними гулять, составлять меню, менять постельное белье и кувшины с водой, вести переговоры с родственниками о пропаже слухового аппарата или очков, осторожно объяснять мужу, что его жена на поздней стадии деменции вряд ли поправится и вернется домой в скором времени. Ночная смена всегда уставшая, с красными глазами, всегда сонная, сорит повсюду пустыми кофейными стаканчиками и мрачно отбивается: «А вы попробуйте ночью не поспать!»

Но находятся и любители поработать ночью. Например, Лили. В то утро она не успевала разнести чистые полотенца по комнатам: Питеру было плохо, и она полночи просидела с ним, пока он не уснул. У Лили большое сердце. До начала моей смены оставалось минут двадцать, и я решила ей помочь — оставила сумку в гостиной и, не переодеваясь в форму, подхватила полотенца. Двадцать первую комнату я, как обычно, обошла стороной. Лили родом из Индонезии. Даже теплые слова, милые поздравления с Рождеством или днем рождения с ее акцентом звучат для меня как окрик, как приказ выйти из строя или решение военного трибунала.

— Ой, — вскрикнула Лили, — Виктория, двадцать первая комната?! Э? Ты забыла, забыла! Это деменция, Виктория! — Она захохотала.

Лили нравилось, когда люди ошибались. Маленькая Лили смеялась над ними, хлопая себя по бедрам, притопывая ножками, и искренне ждала, что

они разделят ее веселье. Жестокосердные в ответ строчили жалобы на Лилину грубость и хамство. Кипой докладных на столе менеджера вполне можно было растопить камин и согреть небольшую компанию в зимний вечер. Менеджер однажды вызвал Лили в свой офис, просил быть тактичнее, терпеливее, вежливее. Конструктивного диалога не вышло.

— Я сказала — ты ленивый, ленивый! Э! Мусор кто выносит? Э? Лили. Пылесосит? Э? Лили. А что делает Майкл? Э? Она смотрит телевизор. Смотрит телевизор. Я сказала — ты ленивый, ленивый. Я не вру, не вру.

Больше менеджер Лили не вызывал и поручил ее заботам своих заместителей.

Я не рискнула вступать с Лили в спор, решила тихо проскользнуть в ванную двадцать первой комнаты и оставить полотенца там. Медленно повернула дверную ручку, тихо приоткрыла дверь. В комнате горел ночник. Мебель бросала длинные зловещие тени, на стенах были едва различимы старинные гравюры. В комнате пахло как в музее краеведения. Тихо на цыпочках я добралась до ванной комнаты, беззвучно открыла дверь. Яркий свет вспыхнул, едва я потянула дверь на себя. Ну конечно! Датчик движения! Я машинально обернулась. Диана не спала, она сидела в груди подушек на кровати, увенчанная короной из розовых бигуди, и не мигая смотрела на меня. Ее белое лицо в тусклом свете ночника казалось застывшей восковой маской.

«Бигуди! — подумала я. — Зачем такие неудобства женщине, которая даже не выходит из комнаты?»

— Доброе утро, Диана, — я попыталась улыбнуться.

То ли улыбка была ошибкой, то ли пожелание доброго утра, то ли Диана все это время не спала и с ужасом наблюдала, как совершенно незнакомая женщина в ветровке и джинсах зачем-то крадется в ее ванную, но она незамедлительно пришла в ярость, и видно было, как она набирала в легкие воздух, словно упавший ребенок перед тем, как разразиться оглушительным ревом.

— Get out! — просипела Диана.

— Да я просто полотенца занесла, Лили попросила, — оправдывалась я, пятясь к двери.

— Get out! — не сбавляла обороты Диана. Она нащупала трость у своей кровати, ловко подхватила ее и замахнулась. — Get out!!!

Я уже выскочила из комнаты, когда трость с глухим стуком ударилась о дверь.

Я побежала переодеваться и налетела на Брайна.

— Что случилось, Виктория? Так спешишь на работу? Похвально, похвально, — закричал Брайн. — Пойдём послушаем, что ночная смена скажет. Кстати, ты сегодня работаешь со мной в паре. Корнел сообщил утром, что заболел. Нас сегодня трое.

Брайн приезжал задолго до начала смены. Он медленно петлял по узким улочкам на стареньком ситроене, собирая за собой длинный хвост из мотоциклов, автомобилей, тракторов, автобусов, коневозов, прицепов с сеном и почтовых фургонов. Не раз я заставляла это мрачное и торжественное зрелище и «список кораблей прочла до середины». Обычно Брайн обстоятельно парковался, долго курил и ходил

вокруг машины — проверял шины, протирал зеркальце, гладил крыло. Коллеги утверждали, что в перерыв он выходит на парковку, чтобы поговорить с машиной. О чем? Поделиться событиями дня? Пожаловаться на менеджера, который урезал отпуск до двух недель? Справиться, не озябла ли, — ведь утром подморозило? Никогда не узнаю.

Брайн, старательный и неторопливый англичанин, как старший по отделению, в основном самоотверженно брал на себя бумажную работу и руководил из столовой, но сегодня один из тех дней, когда ему придется присоединиться к нам.

Дневная смена начинается в восемь утра, а восемь пятнадцать у Дианы, как у Людовика XIV, — время «малого пробуждения». Она звонит в звонок, и ей несут чашку горячего чая с молоком без сахара и тост белого хлеба с отрезанной по периметру корочкой. «Большое пробуждение» происходит в десять часов. В тот день я впервые посетила церемонию утреннего туалета с Брайном только потому, что Корнел заболел. Диана не любила никаких изменений. Ее пробуждение было не таким многолюдным, как у французского короля: без детей, внуков, первого врача, пажа, камердинера, министра, маршала и интенданта строительства, но со строгим соблюдением протокола. Пока я с любопытством рассматривала картины, фарфоровые статуэтки, искусственные цветы, Брайн готовил все необходимое: лосьон, салфетки, духи, одежду, полотенца.

На стенах, помимо гравюр и картин, было лишь одно фото: Диана сидит в кресле, по правую руку муж растерянно улыбается и мнет в руках шляпу, слева дочь, с прямой спиной и опущенными вдоль тела

руками, смотрит непреклонным и тяжелым взглядом. Что-то в этом было от уличной фотографии, когда моментальный снимок застигает рядом совершенно незнакомых, чужих друг другу людей, случайно оказавшихся вместе.

Строгое лицо Дианы без глубоких морщин сохранило следы былой красоты, но абсолютно исключало улыбку, даже саркастическую. Если Диане что-то не нравилось, она цыкала и вздыхала, если нравилось — одобрительно кивала.

Я пыталась быть милой, я спросила, хорошо ли ей спалось. В ответ Диана, глядя перед собой, едва разомкнула губы, как лошадь, прихватывающая клочок сена из стога:

— Я не понимаю ваш английский.

Брайн зажурчал что-то примирительное, вроде того, что Виктория новенькая и английский не ее родной язык, но она хороший работник.

Диана нетерпеливо вздохнула. Мы приступили к церемониалу. Согласно регламенту, сперва протиралось лицо исключительно ватными дисками, смоченными лосьоном. Затем влажными салфетками, что хранятся в верхнем ящике стола, протирались шея и руки, сверху наносился детский тальк. В завершении ступни растирались увлажняющим кремом, который держат в ванной на подоконнике. Душ Диана принимала по пятницам, чтобы быть готовой к визитам родственников на выходных. Для смены подгузника Диана поворачивалась попеременно на бок с непроницаемым лицом и во время всей процедуры не проронила ни слова, а лишь кивала в ответ на вопросы Брайна. Носок полагалось надевать сперва правый,

затем левый. Бюстгалтер Диана надевала самостоятельно, а застегивала я и долго не могла попасть крючком в петлю, отчего пальцы мои стали дрожать и проскальзывали по гладкой, холодной коже Дианы. Легкий шарф был непременным аксессуаром, на него дважды брызгались духи. Ноги Дианы укрывались одеялом чуть выше колен. Она зорко следила, чтобы все взятые с полки или из ящика стола тюбики, духи, расчески были возвращены на то же самое место, и морщилась, если место менялось. Мы положили две подушки позади ее головы и по подушке под правый и левый бок, маленькую цветную подушку под ноги. Стол придвигался примерно, как сказал Брайн, на 10–11 сантиметров к кровати. Для этого случая коллега хранил в кармане линейку.

Выходя из комнаты, Брайн любезно раскланялся, пожелал хорошего дня, пообещал принести чашечку чая через пару минут, если Диана пожелает.

— Что? — раздраженно спросила Диана и отвернулась к окну. — Вы что-то мямлите там, я вас не понимаю.

Брайн осторожно прикрыл дверь, какое-то время не выпускал из рук дверную ручку и, словно к ней обращаясь, озадаченно пробормотал:

— Это, пожалуй, немного слишком... за восемь-то фунтов в час.

С того самого дня старшие по отделению и медицинские сестры давали мне поручения, связанные с Дианой: принести газету, письмо или завтрак, поменять кувшин с водой. Она принимала меня, терпела меня с независимостью кота, который признаёт в человеческом присутствии несомненное, но необходимое

и полезное зло. По утрам я считала до трех перед ее дверью, прежде чем постучать, открывала занавески, выключала ночник, желала ей доброго утра, спрашивала, как она спала. Диана брезгливо морщилась:

— Я не понимаю ваш английский.

— Слух ее величества очень избирателен. Она слышит и понимает ровно то, что ей хочется, — смеялся Корнел.

В конце января на западное побережье Англии обрушился шторм, который добрался и до нашей деревушки на юго-востоке. Несколько дней кряду неустанно дул шквальный ветер. Временами казалось, что Дом стоит на берегу бушующего океана и нас вот-вот смоеет гигантской волной. Влажный ветер был чуть солоноватым. Ночами он особенно свирепствовал — все дороги были завалены сучьями и листьями, так что порой невозможно было проехать. На небе едва виднелась мутная луна и неслись черные растрепанные облака. Улицы опустели.

Мы плотно закрывали окна и не выводили постояльцев на прогулку. Редкие посетители вваливались взлохмаченные, помятые, словно на улице их кто-то изрядно колотил, а потом силой вталкивал в двери нашего Дома. По коридорам летала сухая листва, занесенная с улицы, и не было никакой возможности от нее избавиться.

Корнел ходил возбужденный:

— Этот ветер — как в моей деревне зимой. Сначала ветер, а потом смотришь в окно, а там звезды с кулак — значит, будет сильный мороз.

— Есть что-нибудь, чего мы не знаем о твоей деревне? — улыбался Даниель.

Когда через три дня ветер ослаб, зарядил бесконечный дождь. Только и разговоров было, что про погоду. Из-за перекрытых дорог к нам не могли добраться поставщики продуктов, не вывозился мусор и на несколько дней мы оказались в блокаде. Диана ожидала, как обычно, горячего шоколада со сливками в полдень и винограда на ужин. Она совершенно отказывалась понимать, почему такие пустяковые просьбы не удовлетворяются и при чем здесь ветер, когда ее проживание стоит таких больших денег. На кухне творили чудеса из остатков продуктов, пекли хлеб, что-то покупали сами в местном магазинчике, и в целом из ситуации выходили достойно. Если бы не манная каша — семолина на английском, — которая подавалась с абрикосовым джемом на десерт третий день подряд, то никто бы и не заметил изменений.

— Э, э! — Лили кричала на утренней пересменке. — Диана сказала: «Что? Сальмонелла каждый день? Я не буду больше сальмонеллу». Э? Да, так и сказала. Не верите — спросите ее, спросите.

Тем временем ветер стих и впервые за несколько дней выглянуло солнце. Оживились улочки деревни. Перед обедом я отправилась на прогулку с Питером, он щурился на солнце и беззащитно улыбался. В легкой куртке было достаточно тепло. Яблоневый сад за домом выглядел еще слабым, но идущим на поправку пациентом — сломанные ветки лежали у залитых водой черных стволов, каменная изгородь, заросшая плющом, осыпалась в двух местах, а садовая мебель была разбросана в беспорядке.

— Crikey! — восхитился Питер.

— Вы только посмотрите, какой прекрасный день! — помахал нам рукой садовник. — Собрались прогуляться?

Каждую среду Майкл, седой старичок в высоких резиновых сапогах и неизменной клетчатой жилетке, возился в нашем саду и на клумбах, косил газон, вывозил листья, подрезал кусты, сажал цветы.

— Да, хотим сходить в Дикий Сад, покормить уток в пруду. Я очень люблю там гулять, даже после работы специально делаю кружочек по Саду.

— После работы? Вечером? В Диком Саду? Шутите? — Его лицо стало грустным. — Ведь уже темно. Это опасно.

— Опасно? В нашей-то деревне, где все друг друга знают и нет волков?

Майкл воткнул лопату во влажную землю газона и доверительно понизил голос:

— Ну да, волков, допустим, нет, но сейчас другие времена и столько этих, знаете, — он быстро огляделся по сторонам, — иностранцев всяких. Одному Богу известно, откуда они приехали.

— О да! Ох уж эти иностранцы, — горячо согласилась я.

Мы гуляли в Диком Саду вокруг пруда, когда зазвонил телефон, Корнел кричал что-то неразборчивое, было слышно, как на заднем плане воеет сирена. Я поспешила обратно, уговаривая Питера ускорить шаг.

У ворот Дома стояла пожарная машина, в здании разрывалась сирена, постояльцев вывозили в креслах через главный вход. Тех, кто мог идти, выводили под руки. Ни дыма, ни огня я не увидела. Кухонные работники смеялись и курили на парковке. Стало по-

нятно, что пожарная тревога была тренировочной. Менеджер и его заместитель бродили среди кресел со списками и делали в них пометки, старшая медсестра взяла на себя руководство по обнаружению вымышленного очага и эвакуации. Предполагаемым эпицентром была столовая на втором этаже, и наше отделение покинуло здание первым. Для меня осталось загадкой, как Корнел, Даниель и Камилла умудрились меньше чем за полчаса всех одеть, переправить из кроватей в кресла с помощью подъемника и вывезти на улицу при условии, что лифт не работал. На асфальтовых дорожках, на газоне и клумбах располжились кресла-каталки и стулья с нашими постояльцами. Замотанные наспех в пледы, с накинутыми куртками и шапками набекрень, они выглядели как разбитые наполеоновские войска, пробирающиеся по заснеженной России к западным границам.

Салли тихо плакала и не выпускала из рук игрушечного зайца. Дерек, бывший военный, был бодр и свеж, энергично жестикулировал и кричал во всю глотку из своего ортопедического кресла: «Один, два, три... пошел. Один, два, три... следующий. Отлично! Славные парни! Хорошая работа!» Джек отказался от помощи этим утром и наряд подобрал по своему вкусу: две рубашки, торчащие одна из-под другой, пиджак с цветком в петлице, пестрый галстук с фазанами служил ему ремнем, помогая удерживать полосатые пижамные брюки, надетые поверх шерстяных. Вот кто получал максимум удовольствия от происходящего. Он, как актер пантомимы, восторженно озирался, толкал кресла, выносил одеяла, пытался даже помочь пожарным раскручивать шланг, но был изгнан,

усажен в кресло и укрыт пледом. На лицах молодых парней из пожарной бригады я читала любопытство и ужас одновременно.

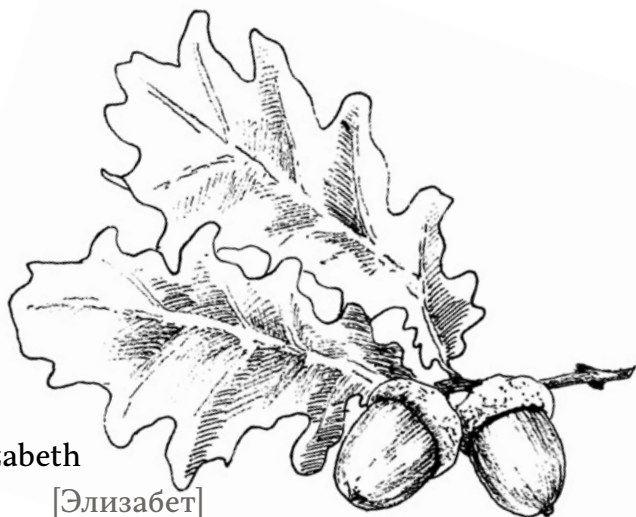
Всем разносили горячий чай. Я подхватила со стола поднос с кружками. На клумбе за тисовым деревом я нашла Диану и не сразу ее узнала: она близоруко щурилась, челка сбилась и закрывала пол-лица, шарф сполз на подлокотник кресла, плед не закрывал босых ног. Я укрыла ее еще одним пледом, предложила чая, спросила, не нужно ли принести носки. Диана сжала мой локоть обеими руками, срывающийся голос шел, казалось, оттуда, где до поры лежали нетронутыми обиды, разочарования, страхи:

— Не хочу я никакого чая, Виктория, просто постой со мной и никуда не уходи.

Послушайте, я ведь обычный человек, мне бывает страшно, мне бывает одиноко, я не знаю, как себя вести, когда умирают люди, когда плачет моя мама. Но слабость и страх Дианы вдруг сделали ее такой близкой. Там, где я ожидала злорадство при виде поверженного обидчика, вдруг обнаружила силу и смелость обнять и слушать неразборчивый шепот: что-то о сирене, о бомбежке Лондона, о пропавшем брате. Все это не имело значения. Важно было то, что она помнила мое имя и мой английский был не так уж плох.

E : Elizabeth

[Элизабет]

Двадцать вторая комната была угловая, светлая, с двумя большими окнами. В ней всегда пахло морем. Ее улыбчивый хозяин сиял по утрам, как солнечный блик рассветного штиля. На стенах висели выгоревшие акварели, по столу всегда были рассыпаны карандаши. Пока я застилала кровать, Питер обычно трогал их кончиками пальцев, катал осторожно по столу, прикрыв глаза. Я прибирала комнату, поливала цветы, складывала одежду в шкаф, и Питер, вероятно приняв меня за горничную в отеле, неловко хлопал по карманам брюк, затем пиджака, осторожно откашливался:

— Извините, сколько я вам должен? Не уверен, что у меня есть наличность.

— Ваша жена Элизабет уже все оплатила, — обычно отвечала я. Было очень важно упомянуть жену.

Тогда Питер радостно потирал руки, смеялся:

— Ах да, конечно, Лиза.

Это имя давало ему покой и уверенность, когда он был в недоумении, когда не понимал, где находится

и почему вдруг один, в этой комнате, из окон которой видны только верхушки вишневых деревьев и поле для крикета.

Он помнил себя с довольно раннего возраста, но все какими-то урывками: то летним вечером он бежит рысью за сладостями в местный магазинчик, то с братьями и сестрами стоит у елки, а вот слушает по радио «Путешествие с кочевником» и отчетливо видит дом на утесе, поиски жемчуга, нападение дикой кошки. Лиза всегда была рядом: честно делила пополам жевательную резинку, осторожно трясла и прикладывала к уху коробкí, пытаюсь догадаться, что внутри, или вечерами слушала с ним по радио «Детский час». Еще он помнил, как мама однажды купила бананы. Питер заметил, как приятно волнуют эти цвета, говоря на неизвестном ему языке: горящее желтое пятно на голубом блюде. Он никогда прежде не видел и не пробовал бананов. Они с Лизой растянули свою связку на несколько дней и распевали слова популярной когда-то песенки: «Да! У нас нет бананов, у нас нет бананов сегодня!»

В карманах его шортиков постоянно болтались глиняные кубики: камешки Джека — игра, в которую они играли часами. Лиза так проворно ловила тыльной стороной ладони подброшенные в воздух кубики, что выиграть у нее было почти невозможно. Она бегала с ним на станцию смотреть поезда и записывать номера прибывающих паровозов в большую тетрадь, а если повезет, то и их названия, чтобы у Питера была самая внушительная в округе коллекция и он заткнул за пояс всех задавак.

Всегда самый высокий среди сверстников, голубоглазый блондин, Питер рос добрым, щедрым, покладистым и смешливым. Лиза была полной противоположностью: невысокой брюнеткой, косолапой, хмурой, прижимистой и упрямой. Она напоминала небольшую этажерку — широкую и надежную. На ее круглом лице светились живые, умные глаза, словно их выдали ей в спешке, не проверив адресата. Питер, конечно, часто уступал Лизе, играл с ней, но он же не девчонка, чтобы скакать на скакалке или прыгать в классики. Они с мальчишками гоняли на самодельных самокатах, сражались каштанами на веревках, играли в прятки на фабричных задворках.

Питер был слишком маленьким, чтобы помнить рождественские бомбежки сорокового года, когда немцы разрушили Дворцовый театр, Манчестерский собор и жилые здания в центре города, но послевоенные очереди, карточки, одежда, которую он донашивал за братьями, навсегда врезались в память.

После школы он уехал в Лондон и поступил в Королевский колледж искусств. Существование счастья кажется мне сомнительным, однако Питер вспоминал эти годы как самые радостные, волнующие и счастливые. Казалось, Питер и послевоенная Британия вместе проходили курс лечения и отвлекались от переживаний яркими вспышками цвета, разнообразием форм, идей и образов. Годы дымящихся руин, вынужденной экономии, штопаных одежд, стоптанной обуви, всего темного, мрачного неизбежно сменились послевоенным модерном — временем надежды, новаторства, кричащих цветов, безумных коллажей и революционного поп-арта.

Питер влезал в долги, не спал в мастерской до рассвета, спорил до хрипоты и выпивал до беспамятства. Лиза приезжала раз в месяц с сестрой, привозила фрукты из их сада, прибирала в его каморке, одалживала денег, выслушивала его восторженные речи и смотрела его новые работы. Вечерами они гуляли по набережной, взявшись за руки. Они оба не припомнят смущенных признаний или неуверенности первых встреч, словно любовь друг к другу была у них врожденной или чем-то однажды раз и навсегда решенным. Свет фонарей отражался в темной воде Темзы, где-то играла музыка, гуляли нарядные пары — бережливая Лиза сохранила эти счастливые воспоминания на всю жизнь. По окончании колледжа они поженились.

Оформляя однажды маленькую книжку для первенца, сочиненную Лизой, Питер обнаружил страсть к яркой, детальной и веселой иллюстрации. Со временем он наладил сотрудничество с ведущими издательствами Британии и неожиданно для себя и окружающих стал известным детским иллюстратором.

Всегда неприметная Лиза из идеальной домохозяйки конца пятидесятых постепенно превратилась в ось их семьи, вокруг которой крутились новые контракты с издателями, закупка красок, кистей и бумаги, вызов сантехника, ипотека, школа для мальчиков, сбережения на летний отпуск, семейные праздники. Она позволила ему остаться в мире детских книг, игр и проказ, дала возможность быть рассеянным, беззаботным, таким любопытным пассажиром со съехавшей на затылок шляпой, путешествующим налегке. В затруднительных ситуациях он обычно говорил, многозначительно подмигивая: «Я посоветуюсь с же-

ной. В ней, как в нашей королеве, бездна здравого смысла».

— Питер, если ты голоден, я могу проводить в столовую, — предложила я.

Он любил поесть. Каждое утро ему подавали английский завтрак с яичницей и беконом, овсяную кашу и тост. Если к нему подходил кто-нибудь из дам, он вставал, здоровался и ждал, пока они присядут за стол. Мэри обычно улыбалась в ответ:

— Ты мне нравишься. Ты хороший.

Питер розовел и смеялся, польщенный. Деменция не делает из порядочного человека подлеца и наоборот. Питер оставался Питером — вежливым, смешливым, добрым, но выражение крайнего недоумения редко сходило с его лица, словно что-то важное и тревожное постоянно ускользало от него, как сложные подробности сна поутру. Он все чаще бывал раздражителен, неразговорчив и бродил бесцельно по коридору, не в состоянии найти свою комнату. Черты его личности день ото дня расплывались, как фигура тающего снеговика под солнцем, грозя однажды исчезнуть, оставив на проталине только мокрый клетчатый шарфик. Но до самой последней минуты он узнавал свою жену и улыбался, услышав ее голос. Она обычно приходила к началу обеда и обязательно приносила подарок: новые носки со смешным рисунком, журнал, цветок в горшке. Каждый раз Питер восторженно приветствовал ее:

— Crikey!

Она садилась за стол напротив него, подпирала голову ладонью и смотрела, как он ел, подавала ему салфетки, пила с ним чай. Каждый день они ходили

в сад, где она читала ему газеты. Если погода не располагала к прогулкам, супруги сидели в гостиной на диванчике и слушали джаз. Я принесла им однажды «трехчасовой» чай и слышала, как Лиза, обнимая, спрашивала его срывающимся шепотом:

— Ну скажи, скажи, ты меня еще любишь?

Лиза, Бетти, Элизабет — соседская девчонка, главная удача, лучшее, что случилось с обычным мальчишкой окраины Манчестера. Она любила его в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в здравии и в болезни... Питер написал «Портрет жены» для юбилейной выставки — признание в любви единственной женщине в его жизни. Вот она у окна, облитая закатным светом, присела на краешек кресла, чтобы в любое мгновение встать, заварить чай, поправить плед или принести очки для чтения.

Я помню свою первую смену в этом отделении. Даниель попросил уложить Питера спать. Мне пришлось переодеть его в пижаму, помочь почистить зубы, умыться и лечь в постель. Я, как меня учили, спросила у Питера информированного согласия, объяснила подробно, что собираюсь делать, приготовила полотенце, включила воду. Сонный Питер рассеянно слушал и кивал. Я стянула с него свитер, чем привела его в некоторое замешательство. Недоумение усилилось, когда я стала расстегивать пуговицы на его рубашке. Едва я взялась за третью, Питер перехватил мою руку, крепко прижал к груди, нахмурился и взволнованно произнес: «Не заходи слишком далеко!»

F

: Fred

[Фред]

Он ушел сразу после завтрака. Ссутулившийся, в нелепой вязаной шапочке, катил чемоданчик и смотрел себе под ноги. На улице дожидалось такси.

В свой перерыв я забралась в самый дальний угол сада, присела на поваленное дерево и с грустью думала о нем, о его жене, но больше о себе. Моросил дождик, осторожно шевелил в траве прошлогоднюю листву. У изгороди зелеными пучками пробивались нарциссы, еще пару недель — и они дружно зацветут. Мне тогда казалось, что оставаться тяжелее, чем уходить: продолжать безнадежно и преданно стоять, как постовой, которого забыли сменить, и охранять никому не нужные воспоминания, обиды, шутки. Вот и фуражка твоя выцвела, и будка покосилась, и сныть по пояс выросла, а ты стоишь и никак не можешь уйти. Ты — забытая жертва, а мир любит героев.

За спиной послышался треск сломанных сучьев. Корнел увидел меня из окна. Ему нужно было съездить в магазин, поэтому он просил перенести мой перерыв на час позже и побыть за него в отделении.

Корнел шел по мокрой траве как цапля, высоко поднимая колени, жевал яблоко и громко излагал причину своего появления.

— Банан хочешь? — спросил он, подойдя ближе.

Заметив, что я чем-то расстроена и от неловкости, безотчетного желания утешить, Корнел стал говорить еще громче и быстрее:

— Ты можешь остаться, я попрошу Камиллу. Это не проблема. Если хочешь побыть одна.

— Нет, я могу пойти на перерыв после ужина.

— Что-то случилось?

— Ничего особенного, просто по дому скучаю иногда, — я намеренно обобщила свои переживания, зная, что эта тема моему румынскому коллеге близка.

— О, это Корнел понимает. Это Корнел понимает лучше всех! Но здесь у тебя хорошая работа, хорошая зарплата. Знаешь, как люди живут? Как концы с концами сводят? Помнишь, я рассказывал тебе про своих соседей и друга Манделу? На самом деле он не Мандела, конечно. Это мой брат так его прозвал, когда из-за вшей парня побрили наголо. Представляешь себе, в бедной семье девять вечно голодных детей? И каждая зима без дров. Проходишь мимо их дома, а ворота всегда раскрыты и белые замерзшие окна.

Видимо, по версии Корнела, история о чужой бедности и несчастьях должна была примирить меня с моими невзгодами. Он старательно вышагивал, размахивал руками и почти кричал:

— А я это почему вспомнил: они же никогда не отчаивались. У них обычно никакой еды, кроме мамалыги, не было. Вот они ее варили, наедались, а что оставалось, бросали на пластинку старой радиолы,

смотрели, как эти лепешки крутятся и разлетаются по сторонам. Смеялись! Отец им все разрешал. Другой бы повесился от такой жизни, а он спокойный, цуйку пил, песни напевал и никогда не ругался.

Корнел, как умел, изображал безобидного и подвыпившего отца Манделы. Мне на мгновение показалось, что он запоздало завидовал свободе соседских оборванцев.

— Помню Манделу бегающим босиком по улице все лето: одной рукой размахивал, другой всегда придерживал штаны, чтобы не упали.

Самым серьезным испытанием в жизни мой коллега считал голод и холод. И все-то печали казались ему надуманными, если в сарае есть дрова, а на плите — куриный суп с лапшой.

— Мой отец ушел внезапно, — сказал Корнел, — Сердечный приступ. А я так бы хотел сейчас о нем позаботиться. Я часто представляю, как бы я мог его порадовать — приехать в свое село и заказать ему на всю зиму дров. Грейся, папа!

В детстве Корнела зимы были суровые, снежные. Отец тратил все сбережения на дрова. Он так растапливал на ночь небольшую печь, что маленький Корнел спал под кроватью, а мама, пока никто не видел, раскрывала входную дверь и впускала ненадолго морозный воздух.

Мы вернулись в отделение. Я зашла в комнату Каролайн, предложила ей чай с печеньем. Она невозмутимо кивнула:

— Хорошая идея. С молоком и без сахара, пожалуйста. И очень хочется... — она поморщилась, вспоминая, — ах, печенья, два шоколадных печенья.

Я помню тот день, когда ушел мой муж: последнее, что мне хотелось тогда, — это печенье.

Фред долго ничего не замечал: потерянные ключи, забытая каша на плите, испорченный кран в ванной. Он часами пропадал в гараже, очень хотел доделать очередную модель самолета, и все его мысли были заняты этим. Они три раза вызывали сантехника. Веселый кудрявый Стивен даже не брал денег за визиты, потому что кран был в исправности. Обычно сдержанная Каролайн становилась недоверчивой и сварливой:

— А я тебе говорю, этот сантехник просто ничего не понимает, кран неисправен.

Она позвонила другому сантехнику. Кран был в порядке. Открытие озадачило Фреда: Каролайн не могла регулировать температуру воды. И еще эти постоянные вопросы: «Ты собираешься в магазин?» Через десять минут снова: «Ты собираешься в магазин?», и так несколько раз. Он вспомнил вечные поиски очков, расчесок, невытую посуду, неоплаченные квитанции, только когда узнал диагноз. Болезнь, как искусный карманник, незаметно стащила у Фреда жену. Можно установить точное время инфаркта, инсульта, а деменция забирает близких исподволь без громких дат, но навсегда. Ты остаешься один с чувством вины и беспомощности. Фред боялся смотреть правде в глаза, все объяснял возрастными изменениями, плохим настроением, погодой и только еще больше времени проводил в своем гараже или в саду. Не привыкший самостоятельно принимать решения, он по-прежнему советовался с Каролайн, спрашивал разрешения сходить в паб или ее пожелания на ужин, но она равнодушно пожимала плечами. Супруга подолгу спала,

реже выходила из дома. Фред жаловался детям. Дочка стала чаще приезжать, помогать по хозяйству и уговаривала мать сходить к врачу. Сын верил в мамину несокрушимость, папину слабость и считал, что сестра преувеличивает, впрочем, как всегда.

Однажды Каролайн упала, сломала шейку бедра и попала в больницу на два месяца, где, помимо лечения перелома, она прошла полное обследование. Ей поставили диагноз — болезнь Альцгеймера. На семейном совете было решено все продать и обоим родителям перебраться в дом престарелых. Каролайн было все равно, а Фред привык подчиняться и не любил брать на себя ответственность. Он первым въехал в просторную двадцать девятую комнату, двумя днями позже из больницы привезли Каролайн. Она уже могла уверенно ходить с ходунками, выглядела гораздо лучше, чем до больницы, но по-прежнему оставалась несловоохотлива и сонлива. Болезнь достаточно быстро прогрессировала. В суматохе продажи дома и мебели, встреч, поездок в банк, упаковки вещей у Фреда даже не было времени понять, осмыслить происходящее. Ночами он летел в пропасть, сильно потел, а утром, прежде чем встать, долго лежал с закрытыми глазами и пытался унять скачущее сердце.

Первую неделю у нас в Доме Фред плотно завтракал, читал газету, смотрел телевизор, выходил во двор размять ноги, поболтать с приветливой Анабель на ресепшен. Жена молчала. Приходили гости, приносили сладости, и тогда он немного оживлялся, шутил, выходил с ними в сад. После улицы в комнате казалось особенно душно, пахло лекарствами и едой. Он рассказывал Каролайн про сад, про пушистого белого

кота, живущего в теплице, звал погулять. Жена равнодушно отказывалась, не отрываясь от экрана телевизора. Со временем Фред потерял аппетит, и я все чаще по утрам забирала из его комнаты нетронутые тарелки. Завтракать в гостиной он отказывался.

Жизнь превратилась в безмолвный зал ожидания. Он просыпался среди ночи, привычно тянулся к настольному светильнику, и рука каждый раз прорезала пустоту. Фред скучал нестерпимо по своей кухне, по своей спальне, по цветам в своем саду, по гаражу, который сам построил, и не понимал порой, что он, собственно, делает в доме престарелых. Поддерживает Каролайн? Но это уже даже не совсем она, это больше не его Каролайн. В такие минуты он смотрел на растолстевшую от неподвижности жену, на пятна чая на ее блузке, седые редкие волосы. Она обычно спала с открытым ртом, свесив голову с подушки, как сломанная кукла. Сумерки густым туманом незаметно заполняли комнату. Фред подолгу не включал свет, сидел неподвижно над полотном распахнутой газеты, как над картой, и бессмысленная жалость, нежность и презрение застревали комом в горле. Он просто хотел получить свою жизнь назад.

В комнату ежечасно входили сотрудники, назойливо расспрашивали о самочувствии, норовили включить телевизор, медсестры приносили лекарства, сиделки меняли Каролайн подгузник, уборщица пылесосила. Фред не отвечал на расспросы, смотрел растерянно и неподвижно сквозь толстые линзы очков, как разбуженная в полдень сова. Пятьдесят пять лет они с женой прожили в своем собственном коттедже — бесцеремонность дома престарелых его уд-

«СТАРЫЙ ДУБ»

ручала. Он отказывался ходить на концерты и принимать участие в любых развлечениях. Фред крайне редко покидал комнату.

Он стал жаловаться на бессонницу, его мучали галлюцинации. Вскоре Фреду прописали антидепрессанты и порекомендовали на время сменить обстановку. Сын забрал его к себе ненадолго погостить. Через две недели Фред вернулся взволнованный, оживленный, сперва долго беседовал с менеджером, потом останавливал сотрудников в коридоре, просил прощения, жал руки, благодарил, и видно было, что еще немного — и он разрыдается. На следующее утро Фредерик собрал чемодан, вызвал такси и уехал жить к сыну.

Ночью мне снилась румынская деревня, и босой мальчик бежал в облаке пыли к раскрытым воротам, одной рукой придерживая спадающие штаны.

G : Gladys
[Глэдис]

Никто точно не помнит, когда в Доме поселилась Глэдис. Многие уверены, что она появилась вместе с Домом и уже никогда его не покинет. Словно архитектор задумал ее и начертил в плане здания как несущую конструкцию. Без нее все развалится, как карточный домик. Она была, есть и будет в комнате номер шестнадцать. Она двуедина: сухонькая старушка с острым носиком и ее ходунки на колесиках. Их никто не видел порознь. Тканый кармашек ходунков, как черная дыра, поглощал свет, и потому увидеть, что хранится внутри, было невозможно. Глэдис часто шарила в нем, закатав по локоть рукав, и извлекала то огрызок яблока, то салфетки, то очки без стекол, то будильник.

Однажды менеджер остановил Глэдис в коридоре:

— Дорогая, напомни, пожалуйста, а кто из сотрудников твой непосредственный куратор?

К слову сказать, за каждым постояльцем закреплен сотрудник (Key worker), в обязанности которого

входит общение с членами семьи, обеспечение средствами гигиены и решение различных проблем.

Глэдис хмыкнула и достала из кармашка ходунков... фото Камиллы. На фотографии у моей коллеги был измученный и помятый вид: на лбу красовались подсохшие круги от чашек, через левую щеку проходил след протектора узкого колеса, правый угол был надорван. Но в целом Камилла была узнаваема.

Менеджер сделал пометку в блокноте и поспешил удалиться.

Общаясь с Глэдис, следовало, как при переходе через болото, продумывать каждый шаг, чтобы нога не соскочила с кочки и тебя не поглотили упреки, обвинения и бесконечные жалобы на неудобные подушки, на сливной бачок, на шумных соседей, на ленивых медсестер, на безрукого повара...

Она была нашим Божьим наказанием, эта Глэдис Паркер. По утрам старушка стояла у входной двери, безмятежно почесывала седой пучок на макушке, а маленькие раскосые глазки высматривали жертву. Шерстяная кофта заправлена в узкую длинную юбку со свежими молочными пятнами: видимо, завтракала в спешке, стараясь успеть к началу смены. Каждому опоздавшему она хрипела с язвительной улыбкой: «Добрый вечер», доставала маленький будильник из корзинки и тыкала ногтем в треснувший циферблат. Прибывшие сотрудники спешили записать свои данные в пожарный журнал, натужно улыбались, а отвернувшись, беззвучно произносили что-то исключительно нетолерантное, и энергичное движение губ выдавало пожелание, идущее вразрез с нашими высокими стандартами ухода, основанными на

уважении постояльцев и обязательстве неустанно обеспечивать их физическое и эмоциональное благополучие.

Корнел утверждал, что если он с узелком мамалыги за спиной обойдет все дома престарелых в Англии, то ни за что не встретит вторую Глэдис. Пожилая леди знала буквально все: наше расписание, обязанности, размер оплаты, сколько раз за утро медсестра Анна выбегала во двор покурить, куда на прошлой неделе переехал Даниель и стоимость аренды его дома. Известны случаи, когда она напоминала сотрудникам о предстоящем техосмотре автомобиля. Каждое утро Глэдис просматривала криминальную хронику и, впадая в крайнее волнение, колесила по коридорам, многозначительно поднимала вверх кривой ревматоидный палец: «Ну конечно же, убийца муж. Иначе зачем он переделал ипотечный договор за две недели до убийства?»

Со временем я обнаружила у Глэдис два несомненных достоинства: плохую дикцию из-за проблем со связками и государственные слуховые аппараты. Она говорила и слышала одинаково плохо. Порой можно было понять отдельные слова и даже предложения, но, если Глэдис начинала нервничать, донося на нас начальству, понять ее не было никакой возможности. Тогда менеджер, поддакивающий разъяренной старушке, извинительно бубнил себе под нос: «Я сейчас с чем-то таким соглашусь, о чем потом могу сильно пожалеть». Национальная система здравоохранения снабдила Глэдис большими и добротными, как коромысла, слуховыми аппаратами, которые свисали с ее ушей, то и дело заискивающе пищали, и, кажется, без

них она слышала гораздо лучше. Этими аппаратами можно было открыть пивную бутылку или размешать сахар, но с задачей преобразования и усиления сигнала, они, буду откровенна, справлялись скверно. Глэдис, которая расценивала любые правила, приказы, предписания и рекомендации как красные флажки, через которые она не в состоянии перепрыгнуть, ежедневно возилась со слуховыми аппаратами, раз уж ей их прописали: чистила, меняла батарейки и укладывала на ночь в круглую коробочку из-под леденцов.

Мы слышали приближение Глэдис по нервному покашливанию и успевали сгруппироваться, но, бывало, она заставляла кого-нибудь нерасторопного с мобильным в руках или с чашкой кофе. Тогда Глэдис, включив проблесковые маячки, мчалась в офис менеджера и тут же сообщала о нарушении: нам не разрешалось пользоваться телефонами и пить кофе вне комнаты для персонала.

Мир был несовершенен, и этот факт изматывал Глэдис, лишал ее сна и покоя. Она спала не раздеваясь: падала плашмя поверх покрывала, не выключая свет, готовая вскинуться в любую минуту и проверить качество оказываемых ночным персоналом услуг. Надо признаться, это качество ее угнетало. Медсестра снова не измерила ей давление в шесть часов утра; Лили не надела перчатки, когда выносила опасные отходы в желтом мешке; никто не проверил Каролайн, которая опасно свесила левую ногу с кровати и могла упасть; никто не протер лужицу, натекшую во время ночного дождя из открытого окна, а ведь так можно поскользнуться. Глэдис полночи кружила в поисках недостатков, оплошностей,

ошибок, нарушений, только под утро завтракала хлопьями и забывалась коротким сном. В восемь часов она уже поджидала персонал у входа. В девять часов Глэдис производила обход парковки и высматривала машину менеджера. В кармашке лежал мятый компромат: не поменяли полотенца, не закупили обезжиренного молока, кухня задержала завтрак на двадцать минут, не принесли кувшин со свежей водой. Внизу дата и подпись.

Менеджер, как человек добродушный и безоглядно влюбленный в самого себя, чужие проблемы близко к сердцу не принимал, приводил в ответ примеры из своей жизни, при этом похохатывал, окидывая слушателей взглядом, приглашающим похохотать вместе, и похлопывал себя по животу, который издавал звук зрелого арбуза. За годы работы я повидала много менеджеров, но самым милым и чудакватым оказался Уильям.

— Моя дорогая Глэдис, зачем себя расстраивать по пустякам? — начинал он миролюбиво. — Ну накрыли завтрак чуть позже, но ведь это не конец света. Вот я, например, тоже в разное время завтракаю.

В любом споре у него было наготове это спасительное «Вот я, например...». Мы все знали наизусть, что наш менеджер, например, ни за что не купит большую машину, потому что это безумие; что он предпочитает настоящие книги этим бездушным электронным носителям без запаха и шелеста страниц; что вот он, например, приходит в магазин, чтобы купить конкретную вещь, а не слоняться бесцельно; что он никогда, например, не купит дорогой билет

на трехчасовую оперу, потому что это как оплачивать самому себе пребывание в тюрьме; из музыки он, например, особо выделяет концерт для кларнета с оркестром Моцарта, а вино, например, он любит исключительно из-за вкуса, а не по причине опьянения, наступающего вследствие приема спиртосодержащих веществ.

Со временем я поняла, что его семья, коллеги, заместитель, его офис и дубовый стол в холле, наши постояльцы и их родственники, сад, поля на горизонте, липовая аллея, синее небо с беспорядочными облаками и солнечный день — все были статистами и декорациями его жизни, Уильям же — автор пьесы и ее главный герой. Он один решал, потушить или оставить свет сценической ramпы.

Каждое утро, кроме выходных дней, мы наблюдали из окон эту парочку: мужчина с намечающейся лысиной, в костюме и лаковых туфлях шел через внутренний двор, размахивая большим кожаным портфелем, за ним семенила старушка с ходунками, распугивая хриплыми вскриками дремавших голубей.

Уильям валился в кресло, долго отдувался, откашливался, включал компьютер, пока Глэдис в дверях зачитывала опись наших прегрешений, обнаруженных ею неисправностей, поломок, протечек, пропаж, умышленной порчи и вредительств. К началу ежедневной планерки в десять утра Уильям был в курсе всех дел, если мог понять, о чем сипела старуха. Порой она приносила ему вещественные доказательства: пустой кувшин для воды, просроченный увлажняющий крем, грязное полотенце — и клала на порог, как коты кладутдохлых мышей. Уильям

брезгливо морщился, подбирал полотенце и шел с ним в отделение, мрачно напевая: «Вэл, вэл, вэл! Бум, бум, бу-у-ум!» Он не отчитывал, не ругал — он был искренне расстроен.

— Вот, не поменяли вчера в шестнадцатой комнате полотенце. Нехорошо. Наши резиденты, — он торжественно указывал рукой на стоящую рядом Глэдис — ее лицо сияло, — ожидают от нас внимания, уважения, качественного ухода. Какое уважение продемонстрировали вы?

Они исчезали в глубине коридора: он гулко вышагивал в сторону прачечной, за ним едва попевала Глэдис и хрипела что-то одобрительное.

Уильям не терпел тишины. Он со всей силы хлопал дверью машины, он швырял дверь офиса так, что графин с водой для посетителей долго дребезжал в холле и Анабель за стойкой ресепшен придерживала на столе бумаги, он топал по коридорам и лестницам, словно вколачивал сваи. Не удивлюсь, если Уильям выбрал место работы в доме престарелых из-за шума и несмолкаемого многоголосья, где Айрин спросонья призывала прислушаться к словам Иисуса, Мэри искала свою собаку, Дерек, надувая вены на шее, командовал невидимыми курсантами: «Раз, два, три, пошел! Отлично! Следующий!», Салли истошно звала на помощь, особенно после обеда, а система комнатной сигнализации звенела, не умолкая весь день, когда то один постоялец, то другой вызывал персонал или наступал на сенсорный коврик. Если я случайно оказывалась с Уильямом в лифте, после дежурного приветствия он усердно заполнял соты возникшей паузы, громко напевая

и многозначительно округляя при этом глаза: «Вэл, вэл, вэл! Бум, бум, бу-у-ум!»

«Наш Уильям, конечно, ку-ку, — любила повторять Кристина, старшая по отделению на первом этаже, — но в рай он, очевидно, попадет раньше нас всех».

Во время плановых собраний сотрудников он говорил в основном о том, что ему было близко и важно, — о себе, даже если предложение начиналось с эффективности командной работы или необходимости пройти вовремя очередной онлайн-тренинг. В то же время он не отмахивался дежурными фразами, а говорил просто и понятно каждому из нас — англичанину, испанцу, поляку, румыну, филиппинцу, кенийцу: «Если вас что-то тревожит — дверь моего офиса всегда открыта, приходите с кружкой чая, и мы поговорим. Я не волшебник. Я не читаю ваши мысли и смогу помочь только тогда, когда вы расскажете суть вашей проблемы». Теперь и не вспомню, сколько разных лиц — заплаканных, смеющихся, хмурых и улыбающихся — я видела сквозь стеклянную дверь его офиса.

В начале лета пронесся слухок, что Уильяма ждет повышение и через пару недель он покинет нас. Менеджер беззвучно кивнул в ответ на наши вопросы. Глэдис узнала раньше всех. Она еще меньше ела и спала, она извела нас придирками. В пятницу, последний день Уильяма на работе, планировался банкет, хотели устроить сюрприз. Накануне вечером сотрудники накрывали столы в гостиной, вешали плакат «Желаем удачи!». Кристина плакала. Хмурая Глэдис сидела в углу гостиной и вяло командовала Камиллой:

— Выше, выше крепи! На стуле стоять небезопасно. Надо лестницу принести. Безопасность на первом месте!

В шесть утра медсестра ночной смены Анна зашла измерить Глэдис давление. В восемь утра Анна закончила работу и собиралась поехать домой. Перед капотом своей машины девушка обнаружила лежащую Глэдис. Старуха отказывалась вставать, пока Анна не измерит ей давление. Собрались сотрудники, уговаривали встать с холодного асфальта и пройти в дом. Анна побежала за тонометром. Глэдис невозмутимо лежала на спине, скрестив на груди руки, и хрипела: «Ни за что не двинусь с места! Это ее обязанность! Она должна была измерить давление!»

На парковку заехал мерседес Уильяма. Менеджер выскочил из машины и побежал к Глэдис. Он решил, что она упала:

— Что случилось? Где болит?

— Ничего не болит, — бесцветно ответила Глэдис.

— Тогда надо вставать, осторожно так вставать.

Он обнял старушку и помог подняться. Она прижалась к нему, и стало вдруг заметно, какая она маленькая и худая. Уильям гладил ее по голове и уговаривал успокоиться. По ее лицу текли слезы. Я больше никогда не видела Глэдис плачущей.

Она пропустила наш банкет, лежала опавшим листочком поверх колючего одеяла, на жесткой подушке, не снимая тубель, и изучала потолочный светильник.

Вечером менеджер уже выключал компьютер, когда в дверном проеме кашлянула Глэдис. Ее глаза горели, одной рукой она удерживала поводья своей

«СТАРЫЙ ДУБ»

огненной колесницы, другой — мятый листок бумаги со спешными карандашными кривульками:

«1. Медсестра забыла упаковку перчаток в коридоре.

2. Водитель курил за мусорной площадкой.

3. Кухня не закупила для ужина рыбных палочек.

Дата. Подпись».

Н : Helen [Хелен]

После обеда менеджер попросил меня открыть пустую комнату и проверить перед показом. Кто-то позвонил накануне и забронировал ее на две недели для пожилого отца, пока мать в больнице.

Рой появился в пятницу после ужина с легкой сумкой и тростью. Его сын осмотрел комнату, заглянул в душ, открыл шкаф, сложил туда сумку и сказал:

— Нам нравится, отец остается.

Это было самое быстрое вселение на моей памяти. Сын Роя спешил с отъездом в командировку и на игру бюрократических полонезов у него не было времени. Медсестра занялась заполнением бумаг, описью вещей, составлением плана ухода и опросом нового постояльца. Вечер в доме престарелых обычно очень загруженный – всех накорми, переодень, спать уложи. Я не успела познакомиться с Роем. Определила быстро на глаз основное: ходячий, но в подгузнике, кушает сам, не агрессивный, — и умчалась по делам.

Утром следующего дня я ознакомилась с его документами и громко присвистнула в тишине медсестринской. Рой, с диагностированной болезнью Альцгеймера, был совершенно слеп. Ему установили сенсорный коврик у кровати, и ночная смена несколько часов подряд терпеливо отключала сигнализацию в его комнате, возвращая беглеца в постель. Он периодически буксовал в углу возле шкафа, пытаясь распахнуть дверцу и покинуть комнату таким сказочным образом, потому что именно так расположены кровать и дверь у него дома. Старик отчаянно завывал:

— Где я? Ради всего святого, где я? Здесь кто-то есть?

Я представила себе его крошечную тьму и поспешила ответить.

— Дорогой Рой, меня зовут Виктория. Ты в доме престарелых, пока твоя жена в больнице.

Рой вытянулся, задрал голову и внимательно слушал. Со стороны казалось, что он певчий в хоре и боится пропустить начало партии.

— Да, Хелен в больнице, — отозвался он. — Тут все иначе расположено, я не могу найти туалет.

— Чем я могу тебе помочь? Может быть, я сделаю тебе чай и тост?

Я протянула ему руку. Его ладонь была горячей и чуть подрагивала, словно пульсировала от волнения.

Он оказался добрым, вежливым, милым человеком. Мы с коллегой помогли ему принять душ, привели его в гостиную, приготовили завтрак. Он неустанно благодарил и переспрашивал:

— Где, вы говорите, я нахожусь?

— Рой, ты в доме престарелых, пока твоя жена в больнице.

— Хелен.

Рой прожил у нас неделю. Он успокоился, стал лучше спать, но по-прежнему забывал, где он.

Обычно днем он сидел в гостиной со всеми и просил рассказать, кто вокруг него находится. Мы любили подсаживаться к нему, когда выпадала свободная минутка, и болтать.

Однажды слышала, как он переспрашивал Джойс с удивлением: «Сколько, вы сказали, мне лет? 89? Да не может быть!»

— Как ты выглядишь? — обычно спрашивал Рой каждого, кто с нам заговаривал.

— Итак, — развлекалась я, — представь себе, я двадцатилетняя блондинка, высокая, красивая...

Обычно все портил какой-нибудь проходящий мимо завхоз:

— Не верь ей, Рой, она старая, толстая и вся в морщинах.

В такие минуты Рой заливался смехом.

В канун 14-го февраля все собрались украшать гостиную картонными сердцами и шарами. Мы спросили Роя, как он встретил свою жену. Он раскраснелся, допивая третью кружку чая:

— Хелен? Я не знаю, я всегда ее знал... у нее такое свадебное платье было... и она такая красивая...

Я крепила шар к люстре и балансировала на неустойчивом стуле, когда, как мне показалось, вдруг определила для себя «формулу настоящей любви».

Рой не помнил сколько ему лет, он забыл, где он родился и жил, где и кем работал, что он делал вчера.

«СТАРЫЙ ДУБ»

Он попросил очередную кружку чая только лишь потому, что забыл о двух предыдущих. Единственное, что люди с деменцией не забывают – это собственное имя. Но иногда — они помнят имя человека, которого по-настоящему любят.

I : Irin

[Айрин]

В начале марта задул колючий, пронзительный ветер, дождь припускал несколько раз на дню и сменялся вдруг недолгим жарким солнцем. Я не заметила, как зацвели вишни, как на голых ветвях магнолий появились первые цветки, как распустились нарциссы. Деревня утопала в белых и розовых облаках вишневых деревьев, все аллеи Дикого Сада, обочины дорог, дворы и лужайки были усыпаны желтыми цветами. Прохладными вечерами, когда ветер стихал, над домами плыл сладкий вишневый аромат вперемешку с дымком из печных труб: соседи топили камины. Я вдруг заметила, что раньше стало светать, услышала птичий звон, увидела зеленые листочки сирени.

Как я пропустила начало весны? Где я была? На работе. Из-за нехватки сотрудников брала дополнительные смены, которые всегда оплачивались выше. Легко находились оправдания: высокая аренда, дорогие продукты, но, скорее всего, правда была в том, что со временем этот Дом стал и моим. Я не бывала в нем одинока, я была нужна.

Идти на работу через Дикий Сад стало особым удовольствием: под липами расцвели нарциссы, можно было запросто столкнуться с косулей, мунтжаком или увидеть белые хвостики разбегающихся диких кроликов. На газоне перед Домом поселился неповоротливый нарядный селезень. Его подруга высиживала яйца в кустах жасмина. Молодой отец целыми днями кланчил хлеб, крутился под ногами проходивших и спал в маленькой луже у самого входа. Его голова отливала на солнце изумрудом, как набалдашник дорогой трости.

Постояльцы с деменцией порой путали день с ночью, и утром можно было встретить в коридоре Берту, ожидающую автобус, чтобы уехать к сыну. Как, вы не слышали про Пола Веба? Он был большой шишкой, важным человеком в Лондоне и работал в самом большом банке. Берта не спала всю ночь. Возможно, сын уже в ее комнате, а она тут автобус ждет. Берта брала свою палочку и ковыляла в комнату. Так всю ночь она бродила между коридором и комнатой. Сотрудники хором заверяли ее, что Пол недавно звонил, что он приедет утром, а ей лучше всего выспаться у себя. Она презрительно щурилась:

— Какие вы двуличные! Мой Пол приедет и всех вас уволит.

В комнате Берты была только одна маленькая фотография с мужем и домашний иконостас в углу на письменном столе с изображениями сына — его акварельный портрет, карандашный рисунок, детская фотография: кудрявый малыш обнимает маму за шею. Снимки повзрослевшего Пола объясняли его отсутствие с Рождества: горнолыжные курорты, пляжи,

конференции, на которых мужчине с поредевшими кудрями, с бейджем на шее и микрофоном в руке аплодируют с улыбками одобрения окружающие. Бывало, я помогала ей принять душ и в самый последний момент замечала зажатую в ладошке фотокарточку Пола. Берта ни за что не хотела расстаться с ней, так и мылась старая безумная мама с фотографией сына, несущегося по снежному склону на лыжах.

Айрин, напротив, ложилась спать вскоре после ужина, просыпалась рано и в семь утра уже завтракала хлопьями с холодным молоком. Я любила приходить минут за двадцать до начала смены — Айрин уже сидела в гостиной, кутаясь в свой клетчатый плед, и радостно приветствовала каждого входящего:

— О! Доброе утро! Где ты пропадала? Давненько тебя не видела.

— Доброе утро, Айрин! Мы же виделись вчера.

— Правда? Впрочем, не важно.

Обычно, если она была в хорошем настроении, я делала ей чай и мы болтали. Если Айрин плохо себя чувствовала, раздражалась по пустякам, подзывала к себе сотрудников и шёпотом сообщала: «Никому не говорите, это ужасное место, я скоро его покину».

Айрин не любила мужчин и жалела всех, кому не повезло родиться шотландцем.

— Ты только посмотри на него, — Айрин указала на Джека, — он так жалок. Все мужчины ужасно жалки.

Сонный Джек в пижаме и в одном носке дремал в кресле. Он неожиданно открыл глаза, улыбнулся и помахал нам рукой. Айрин хмыкнула и повела костлявым плечом:

— Впрочем, они могут быть милыми и смешными.

Длинное худое лицо Айрин обрамлял белоснежный пушок, под которым просвечивал череп, как цветнос у облетающего одуванчика. Она была высокой костлявой старухой, никогда не горбилась, держалась прямо и с вызовом. Ее безмолвная родня, такая же породистая и поджарая, стайкой гончих, изредка вбегала в отделение, толпилась около получаса в крохотной комнате вокруг кровати, даже не присев, и так же спешно покидала Дом. Вероятно, так они отдавали дань годам ее власти и богатства.

Девятнадцатая комната была похожа на национальный музей Шотландии с акварелями холмов и замков, портретами мужчин в клетчатых юбках, книгами Роберта Бернса, гербариями чертополоха, цветными буклетами пляжей Шотландии, пейзажей Шотландии, озер Шотландии и энциклопедией тартанов. Айрин никогда не забывала, что она шотландка, и, прежде чем в очередной раз отказаться от приема таблеток, выкрикивала, подаваясь всем килем вперед, пугая молоденькую медсестру:

— Мы, шотландцы, мы никогда... — Дальше шло неразборчивое, Айрин отодвигала от себя бумажную розетку с таблетками и порой не принимала медикаменты несколько дней кряду.

Так же пламенно она отказывалась от душа, от напитков или от смены подгузника. Она шла проторенной тропой, используя патриотизм как орудие манипуляции.

Берта и Айрин часто ссорились. Их старались рассаживать за разные столы во время обеда. Берта

обычно жалобно спрашивала дорогу в аэропорт, допытывалась, где находится автобусная остановка, подробно объясняла, что собирается уехать к сыну: «Это очень срочно, понимаете?» Айрин хмыкала.

— У меня для вас плохие новости, — она неторопливо оглядывала слушателей, наслаждаясь всеобщим вниманием, — вы застряли тут навсегда!

Берта в ответ грубила, начинала плакать. Корнел бежал спасать ситуацию и ставил диск со старыми песнями, среди которых самой любимой была «Путь далекий до Типперэри». Слезы еще блестели на щеках Берты, когда она уже громко подпевала: старушка помнила все слова песни. Айрин презрительно фыркала, но незаметно для себя притопывала в такт и пела знаменитый припев: “It’s a long way to Tipperary, It’s a long way to go. It’s a long way to Tipperary, To the sweetest girl I know!” Джек широко улыбался и размахивал руками: музыка оставалась магической связью со скрытыми воспоминаниями, одной ей была доступна дорога в прошлое.

Раз в неделю у нас выступали разные музыканты. Концерты в домах престарелых — это отдельный, недооцененный вид искусства.

В первых числах месяца обычно играл на гитаре деревенский почтальон.

Где-то раз в два месяца приезжала молодая пара из Оксфорда с небольшими шоу — они пели и танцевали, читали стихи. Оба юные, красивые, полные жизни, и просто смотреть на них, энергично отплясывающих фокстрот, было уже радостно, словно все мы: измотанные сотрудники, невыспавшиеся медсестры, пожилые постояльцы, мучимые хроническими

болями, потерей памяти, недержанием мочи, — становились на короткое время частью их красоты, блеска их глаз, сияния розовой кожи без морщин. Мы грелись в лучах их беспечной молодости, наслаждались звонкими голосами, обретали будущее, и день становился особенным, одним из тех, после которых идешь в постель и, засыпая, вспоминаешь, что же такого хорошего произошло сегодня.

Раз в месяц нас посещал пианист Гари, который играл на синтезаторе классические пьесы Шопена, Бетховена, Чайковского.

По праздникам приезжал Джон. Он пел комические куплеты, отбивал чечетку, одновременно играл на гитаре или губной гармошке, меняя дюжину нарядов, шляп и париков за вечер. Джон колесил по домам престарелых с чемоданом костюмов, огромными динамиками и цветной ширмой, за которой перодевался. Артист беспрестанно улыбался, суетился и тараторил, едва переступив порог Дома, и все время концерта пребывал в восторженно-нервном возбуждении, словно привязанный у магазина молодой пес, наконец-то разглядевший в толпе хозяина. Меня Джон чрезвычайно утомлял, его всегда было слишком много, но постояльцам нравились смешные куплеты, их не смущал крикливый тон, им был близок незатейливый юмор, как и яркий, оперный грим, — Джон, казалось, был замечен, понят и услышан зрителем в любом ряду, с любой формой деменции или степенью тугоухости. Он любил раздавать цветы дамам, надевать ковбойские шляпы старикам, исполняя американские хиты, и давать микрофон особенно активным зрителям. Однажды микрофон

достался Берте, она спела последний куплет, а потом, смущенная и счастливая, долго раскланивалась под аплодисменты.

Бьюсь об заклад, что знаменитые актеры больших театров не получали и доли той благодарности, искреннего восторга, что выпадали самодеятельным коллективам от восхищенных зрителей домов престарелых. Они не видели таких счастливых глаз. Им не приходилось импровизировать и стараться заглушить пением храпящих стариков. Они не слышали возгласов в середине представления: «Я хочу писать!», не замечали резкого запаха, который сигнализировал о срочной необходимости сменить подгузник.

Джон приехал к нам на Пасху, обвешанный, как обычно, тюками с костюмами, техникой. Пока он устанавливал динамики и подключал микрофон, мы подвозили зрителей в креслах-каталках, приводили и рассаживали тех, кто мог ходить. Айрин выбрала место в первом ряду, почти у самого динамика, какое-то время дерзила соседям, доела шоколадное яйцо, перепачкав все лицо, и вскоре благополучно уснула. Постояльцы и их родственники расселись в гостиной полукругом. Джон определенно был в ударе. Он зашел с козырей: в образе Элвиса Пресли — резиновый парик и широченные клеши — томительно провыл пару песен. После чего скрылся за ширмой и через несколько секунд появился в черном смокинге и котелке, отбил чечетку, а затем лихо нацепил бабочку и спел «Последний вальс» Хампердинка.

Мы с коллегами разносили зрителям чай, фрукты и печенье. Питер и Элизабет сидели у самого входа. Салли держала за руку внучку. Глэдис, не

выносившая шума, накидала печенье в корзинку ходунков и скрылась в своей комнате. Берта подпевала и размахивала бумажным флажком, который ей выдал Джон. Маргарет с сыном и невесткой расположились во втором ряду.

В тот пасхальный вечер Джон был особенно суетлив, непрерывно менял костюмы, натужно смеялся и, кажется, устал сам от себя. Порой из-под рыжего парика выглядывал черный. В самый ответственный момент песни края накладной бороды вдруг отклеились и от волнения ли, от усталости, но Джон пустил такого петуха, что Айрин вздрогнула и проснулась. Музыка стихла.

Айрин обычно бросала реплики редко, но по делу. Она сжала губки, прищурилась, энергично подалась вперед, и в наступившей тишине раздалось:

— Вам, кажется, пора домой!

Никакая английская вежливость, никакое чувство такта и манеры не смогли удержать публику от смеха: видимо, Джон успел всех утомить. Сын Маргарет утирал слезы, Элизабет всхлипывала, уткнувшись в плечо Питера, Корнел закрыл лицо руками. Сотрудники поспешили с аплодисментами.

Я выкатила коляску с Айрин из гостиной. Старушка выпалась и набралась сил.

— Избавьтесь от меня как можно скорее! Потопитесь! С меня довольно! — скандировала она.

Через неделю Айрин исполнилось девяносто восемь лет. Перед сном она обычно просила чай и немного виски с медом. Она достигла того счастливого возраста, когда можно было говорить и делать что душе угодно.

Айрин

Айрин ушла тихо, во сне. Сухая и плоская, как забытый между страниц гербарий, без слез и агонии, она просто выпала из книги бытия — не исчезла, а перешла из одной формы в другую. Возможно, она стала приливом на северном побережье Шотландии, дождем с порывами ветра в Эдинбурге или терпким запахом цветущего вереска.

J : Jack

[Джек]

В апреле потеплело, долина за деревней покрылась желтыми заплатками рапсовых полей, в березово-дубовых перелесках появились первые колокольчики, чтобы вскоре выстлать синими коврами склоны дубрав. Живые изгороди цветущего терновника легкой белой пеной осели по краям проселочных дорог. В садах зацвели тюльпаны. Пахло первой скошенной травой. Из-за частых дождей ручьи выходили из берегов и заливали луга. Звенели птицы до позднего вечера. Всё вокруг в одночасье преобразилось, словно природа искала пасхального искупления. В утренних туманах терялась деревня, едва угадывались липы Дикого Сада и Дом медленно и неотвратно плыл по молочной реке, рассеивая мглу тусклым светом горящих окон.

Джек поступил к нам в Страстной четверг.

Он ворвался в отделение, стремительно промаршировал мимо столовой, улыбнулся и исчез в глубине коридора. Это был высокий худощавый старик с пепельными кудрями, обрамляющими лысину, и шаль-

ными глазами. Он энергично размахивал руками при ходьбе, словно греб ими против течения. Мы приняли его за посетителя. Вслед за ним появились его жена и менеджер. Супруга представилась и всем пожала руки: «Рада знакомству, Джойс». Она выглядела усталой, и по смятым волосам несложно было догадаться, на каком боку она спала. В ее взгляде я прочитала благодарность. Менеджер проводил Джойс в двадцать четвертую комнату, отведенную Джеку.

Пока новый постоялец изучал отделение, медсестра составляла список вещей, Джойс раскладывала одежду и обувь в шкафу. Я развешивала фотографии с подписями на обороте: «Джек, мама и Джон. 1944», «Джек помогает отцу в саду. 1946». Подпись на снимке юноши в костюме: «Что за красавчик! 1954». У меня закралось подозрение, что все подписи сделал сам Джек.

Сначала он обошел столовую, подвигал стулья, тяжелый обеденный стол, восхитился: «Как много мебели — стоило, наверное, уйму денег», затем заглянул в комнату и тут же исчез. Я видела его пробегающим по коридору с чьими-то ботинками в руках, через несколько минут он уже возвращался с одеялом под мышкой. Джек был силен и невероятно инициативен. Он раскрыл красный пластиковый короб, висевший в коридоре, вынул огнетушитель и принес его в комнату. Жена горько вздохнула. Я вызвала завхоза, огнетушитель удалось изъять, вернуть на место и починить замок. Джек уединился в ванной и оторвал полотенцесушитель с куском кафельной плитки. Медсестра вызвала менеджера и заместителя — они провели оценку рисков (risk assessment). Было решено

на первое время установить постоянное наблюдение за новичком и пригласить терапевта, чтобы отрегулировать медикаментозное лечение.

Лилиан положила на кровать плюшевого Винни Пуха, на прикроватную тумбочку — книгу о Винни Пухе и смущенно улыбнулась: «Джек его очень любит».

Деятельный Джек переломал все в своем коттедже, в предыдущем доме престарелых, и, поскольку там ломать уже было нечего, его перевели к нам.

Джек Баркер вырос на ферме на севере Англии и после смерти отца продолжил работать в семейном бизнесе — выращивал помидоры, разводил кур и овец. Младшие братья подались в Лондон. Он остался один со старенькой мамой. Ферма приносила небольшой доход, и Джек нанялся развозить по утрам молоко. Молочный комбинат разрешал Джеку пользоваться грузовичком в нерабочее время, и фермер доставлял на нем свои помидоры жителям деревни. Он работал с раннего утра и до позднего вечера. Женился, появились дети. Со временем у Джека начались проблемы со спиной, работать становилось все сложнее, и ферму пришлось продать. Семья переехала в город...

За неделю пребывания в доме престарелых бывший фермер обжился, завел друзей, сломал входную дверь и кодовый замок — у завхоза прибавилось работы. Обычно Джек вставал с рассветом, надевал резиновые сапоги, халат и совершал обход отделения. Проверял все двери, и если было закрыто, то терпеливо и долго стучал. К себе возвращался не с пустыми руками — бережно раскладывал на кровати добычу: конфеты, открытки, цветы, домашние тапочки,

бусы — все, что было на виду в комнатах спящих соседей. Предметы, представляющие особенную ценность, он складывал под матрас. Диана пожаловалась на него после первой же ночи, дверь ее комнаты оборудовали сигнализацией и внимательно следили, чтобы Джек не беспокоил соседку. Сотрудники ночной смены готовили ему ранний завтрак, делали чай. Медсестра выдавала первые таблетки около пяти утра, измеряла давление и температуру.

Перед обедом Джек любил гулять с нами в саду. Он подходил к каждому дереву, заботливо обламывал сухие ветви, осматривал кору, белые лепестки цветущей яблони осыпались ему на голову — выражение его лица менялось, становилось осмысленным, спокойным, уверенным, словно он еще молодой и здоровый бродил по собственному саду. Всякий раз он указывал на поля за оградой: «Мы с женой иногда там гуляли с собакой».

Оказывается, Джек прекрасно знал эту местность. Выйдя на пенсию, они с супругой поселились в соседней деревне, в маленьком коттедже, завели собаку, с которой обошли все окрестности. Жена вступила в Женский институт. Джек немного поработал на заправке, записался в местную команду по игре в шары. Летом игроки бросали шары на небольшом поле за местной школой, ездили на соревнования в соседние деревни и городки, а зимой засиживались допоздна в пабах. На выходных супругов навещали дети и внуки. В августе пара всегда уезжала на две недели в Испанию и всегда в один и тот же отель. Они были счастливы тем незаметным до поры счастьем, в котором день был похож на день, а год на год. Так бы жизнь

и крутила свое колесо, если бы одним летним вечером в саду внимательная Джойс не заметила странности в походке Джека, затем — в его речи и не забила тревогу. Начались походы по врачам, визиты социальных работников...

И жизнь, выйдя из русла, больше никогда в него не вернулась...

Как-то Корнел решил посадить с Джеком подсолнухи на большой клумбе за Домом. Они принесли пакетики с семенами, лопату, ведро с компостом, лейку. Джек был чрезвычайно оживлен. Выдался теплый день, мы с Камиллой уговорили Маргарет и БERTУ посидеть с нами на солнышке. Все устали от утренней беготни и нуждались в передышке. До обеда оставалось полчаса, так что мы спокойно раскинули плед на траве и стали плести венки из маргариток для пожилых леди, неторопливо пьющих чай на садовой скамейке. Они шурились на солнце и журчали что-то свое английское, старушечье, только им двоим понятное — о хорошей погоде, о вкусном чае, о мужьях и детях. Все наслаждались теплом, цветением молодых груш, и я вдруг осознала, что мы наконец перезимовали, что впереди длинные летние дни, что я смогу поехать домой, повидать родителей, встретиться с друзьями. Я поняла, что обиды мои выцвели от солнца и дождей. Во мне росла уверенность, что Дом, ставший для постояльцев конечной станцией, для меня может стать станцией отправления.

Заместитель менеджера и медсестры все утро готовились к приезду лондонских начальников из головного офиса: накрыли столы в гостиной новыми

скатертями, украсили их вазами с живыми цветами, для сотрудников купили сладости. Завхоз мгновенно набил карманы конфетами. Глэдис его тут же всем сдала. Хозяйственная служба намыла все стеклянные двери и распылила литры освежителя воздуха, так что Дом стал пахнуть, как лавка индийских товаров на Марата. Сотрудники отдела, отвечающего за развлечения, собрали постояльцев в гостиной для настольных игр.

Столичные гости были большой редкостью. Мы старались не ударить в грязь лицом. Повара пришли на работу раньше обычного, чтобы успеть испечь пироги, сервировать закуски, накрыть для них отдельно стол в конференц-зале.

Глэдис, кружившая на парковке уже больше получаса, вдруг отчаянно прохрипела:

— Едут, едут!

У старушки был свой бубновый интерес — пожаловаться лондонским менеджерам. Вот пускай они узнают, что новые скатерти и цветы — это специально для их приезда, что ночная смена вчера курила у запасного выхода, что обезжиренного молока и хлопьев опять не закупили, а у нее давление и холестерин...

Их было четверо. Трое мужчин и одна женщина вышли из огромного мерседеса, как в голливудском трейлере, — красивые, благоухающие, нездешние. Ветер раздувал полы длинных плащей, цокали красные каблучки. Они могли бы пройти по воде и по воздуху, сквозь стены и время, но они сошли на грешную землю парковки нашего дома престарелых под названием «Старый дуб».

Мы наблюдали молча. Корнел изучал ботинки лондонского денди. «Фунтов триста стоят, не меньше», — позже авторитетно заключил он. Камилла мяла в руках венки из маргариток. Даже Глэдис притихла. Так, вероятно, холеные штабные адъютанты доставляли донесения на линию фронта потрепанным и измученным войскам. Я вдруг заметила пятно на своих брюках и прилипшую к туфлям грязь: накануне прошел дождь, и земля в саду была влажной.

На Джека прибывшие гости впечатления не произвели. Он воспользовался всеобщим замешательством и вырыл глубокие ямы, которые подошли бы скорее для того, чтобы зарыть кого-то по пояс, чем для посадки маленьких семян подсолнуха. Джек выглядел абсолютно счастливым, влюбленно вглядывался в вырытые им воронки. Он устал, он часто дышал, и капли пота стекали по обеим сторонам лица.

Лондонские небожители в нашу сторону даже не посмотрели и, разжигая в нас классовую неприязнь, вызывающе смеялись в фойе, бойко заказывали себе кофе, громко жаловались на пробки на съезде с А40 и капризную погоду Лондона. Корнел прикидывал стоимость их костюмов. Терпко пахло дорогими духами.

Позже мы выловили и допросили Чарли, работающего на кухне, — он приносил гостям кувшины с соком.

— Ну, я не знаю, — он почесал макушку, — они едят. Съели мои рулетики и тарталетки с грибами.

— Да я тебя не про рулетики спрашиваю! — потеряла терпение любопытная Камилла. — Что говорят-то?

— Ну, я не знаю, — затянул помощник повара, — я не слушал.

Чарли оказался совершенно бесполезен. Нам хотелось знать, когда они пойдут осматривать Дом, будут ли беседовать с нами, расспрашивать про условия труда, зарплату.

Завхоз накануне перекрасил гостиную и купил новые яркие подушки на кресла и диваны, мы несколько дней украшали игровую комнату, навели безупречный порядок во всех кладовках. Брайн и Даниель даже задерживались после работы, чтобы вынести хлам и устаревшие архивные документы на помойку. Донна, заместитель менеджера, в священном страхе перед любимыми проверками и комиссиями, с выражением застывшего ужаса на лице даже в самые спокойные дни, поддерживала необходимый градус нервного возбуждения.

— А-а-а-ах! — вдруг вскрикивала она. — В туалет для посетителей забыли купить жидкое мыло!

— Мой бог, — Донна закрывала лицо руками, — кто-то оставил открытой дверь кладовки.

Пока менеджер занимал гостей, она оббежала Дом по второму кругу: поправила подушки на креслах в гостиной, подняла оброненные салфетки и столовые приборы, проверила пожарные выходы, заскочила в прачечную и на кухню.

Лондонцы же интересовались исключительно документами, неспешно листая кипы папок с планами лечения, заказали ужин.

— Слишком гладко проходит смена, — Корнел недоверчиво покачал головой, — никто не упал, не заболел: ни температуры, ни поноса. У всех хороший аппетит и настроение. Не к добру это!

Корнел вырос в небольшом селе километрах в пятидесяти от Бухареста. Много лет он с отцом работал

на бескрайних полях, уходящих темными бороздами в расплавленный горизонт: убирал кукурузу, косил люцерну. Приближение беды, как грозу, румынский крестьянин чувствовал заранее. Тревога висела и сгущалась в воздухе, и я нисколько не удивилась, нет, скорее испытала облегчение, когда увидела бегущих медсестер и побелевшую Донну. Пропал Джек! Медсестра, раздающая таблетки, не обнаружила его у себя, не нашла его в коридоре, в столовой и гостиной. Мы по очереди осмотрели двадцать четвертую комнату: на столе горела лампа, керамическая овечка на подоконнике глупо улыбалась. Джека не было в игровой и в туалете для посетителей.

Мы разделились на три группы и начали поиски. Бывали случаи, когда мы находили Барбару, мирно спящую в кровати Питера, или Берту, дремавшую в кресле Джека. «Я не спала, — оправдывалась проснувшаяся Берта, — я давала отдых моим глазам» (I was resting my eyes). Может быть, в ее трудовой молодости сон был чем-то стыдным, признаком слабости или лени. Мы проверили комнату за комнатой, лифт, кухню и прачечную. Мы действовали по инструкции и старались сделать все возможное перед тем, как оповестить полицию и родственников, но я уже знала наверняка — Джека в здании не было.

Он начинал обход с рассветом: сперва проверял коровник, бросал зерна курам, заходил в конюшню долить свежей водички в поилку, заглядывал в теплицы, обходил кукурузные побеги, фруктовый сад: справлялся, не тронул ли ночной заморозок цветущих деревьев. Долго мял комья земли, прикидывая, не оставить ли крайнее поле отдохнуть в следующем году. Все нуждалось

в его заботе, в его трудах. Но вот ферма опустела, и деревянную калитку бросало на ветру со скрипом несмазанных петель... Джек ушел и унес пчелиный гул, утренний звон малиновки, крик петухов и неповторимый запах горячих булочек с крестом — лакомство Страстной пятницы... Он прошел незамеченным сквозь двери с кодовыми замками, перемахнул через высокую каменную изгородь и побежал, как молодой Маугли, через весенний лес, через проселочную дорогу, через долгожданную вечернюю прохладу...

— Почему все самое плохое происходит обычно в мою смену? — сокрушался Даниель. — Как он мог уйти из отделения, не зная кодов? Наверное, кто-то из посетителей открыл ему дверь.

У нас было минут двадцать на поиски, совсем немного до того, как в нашем дворе появятся полицейские машины и засуетятся люди в форме, начнут съезжаться перепуганные родственники, растерянно оглядываться и курить у раскрытой дверцы машины. И тут еще эти лондонцы, как назло...

— Лучше нам сейчас не думать об этом, лучше не думать, — Донна нервно трясла руками перед лицом, словно сушила лак на ногтях.

Беспокоиться о последствиях не было времени, и мы ограничились емкой формулировкой:

— Это не очень хорошо для репутации Дома.

Лондонцы мирно ужинали, менеджер и его заместитель прочесывали сад и двор, мы выбежали на парковку. Даниель и Каролайн взялись объехать все улочки деревни на нашем мини-автобусе и заскочить в местный магазинчик. Юная кенийка работала у нас третий день — ей было страшно и любопытно, как

будто она смотрела захватывающий детектив и не могла дожждаться развязки:

— Мы поедем до самого конца деревни?

— Да, — мрачно отвечал Даниель.

— Ты будешь смотреть вправо, а я влево? — восхищенно расспрашивала она и трогала кончиками пальцев челку большого гладкого парика, словно проверяла, на месте ли он. — Может быть, нам нужна рация и желтые жилеты?

— Нам не нужны рация и желтые жилеты. Мобильного телефона вполне достаточно, — терпеливо объяснил поляк.

Корнел вышел через западные ворота, я — через северные. Мы встретились в центре деревни. Я посмотрела на часы — половина шестого. Мне стало страшно: примерно через час начнет смеркаться, и я представила озябшего Джека, блуждающего в темноте полей и пустынных улиц. Корнел прихватил с собой кусочек торта, которым его угостила Камила:

— Рецепт очень простой, — бубнил он себе под нос, — кипятишь воду и добавляешь сахар, много сахара, чтобы она стала густой и сладкой как мед.

Корнел откусил кусочек и невозмутимо продолжал: «Потом берешь печенье, но не мягкое печенье, а такое достаточно твердое печенье. Берешь его один за одним и макаешь в сладкую воду, чтоб оно стало мягким, но не таким мягким, что бы развалилось, а...»

— Думай, Корнел, думай! Забудь про торт! Тебе восемьдесят четыре года, у тебя деменция, и ты сбежал из дома престарелых. Куда бы ты пошел в первую очередь?

— Я бы повесился или напился, — не задумываясь ответил Корнел и снова откусил немного торта, испачкав нос коричневым кремом.

Гениально!

Мы обнаружили нашего беглеца за стойкой ближайшего паба. Он безмятежно потягивал эль, на коленях лежала кепка. Было многолюдно и шумно.

Он улыбнулся Корнелу:

— Славный малый, знаю его.

Я немедленно позвонила Даниелю, затем менеджеру:

— Джек в пабе «Ягненок и флаг».

Корнел ушел в отделение помогать с ужином, а я дождалась, пока Джек покончит с элем, и расплатилась. Я вдруг почувствовала, как устала.

— Пойдем домой, Джек?

Он улыбнулся в ответ. Мы пошли в обход деревни, через старую мельницу и поле для крикета. Где-то ухала сова, лаял мунтжак, и резцы бледного полумесяца едва угадывались над дубовой рощей.

День показался бесконечным, я была рада, что он закончился. Начинало смеркаться, и, возможно, нарядные лондонцы уже дремали в машине на полпути домой. Я шла с Джеком, как много лет назад со своим дедушкой, и были не нужны слова, и были не страшны наползающие тени. В его большой и холодной руке легко пряталась моя маленькая ладошка.

К: Katherine

[Кэтрин]

Горох, подаваемый с традиционным английским блюдом — рыбой в кляре и картофельными чипсами, разделил жителей острова на два лагеря: тех, кто любит гороховое пюре, полагая, что ярко-зеленое пятно украшает блюдо, и тех, кто терпеть не может кашеобразной массы на краю тарелки. Ричард не жалел презрительных и воинственных эпитетов, когда речь заходила о невинном горошке, и между делом напоминал окружающим, что он цивилизованный южанин, пилот Королевских военно-воздушных сил Великобритании в отставке, которого однажды наградила Божьей Милостью Королева Елизавета II, Глава Содружества, Защитница Веры. Каждую пятницу мы с коллегами выслушивали в столовой короткий, но энергичный спич об отвратительном, гадком и безвкусном гарнире, который, как утверждал Ричард, в его семье никто не любил.

Ричард навещал свою жену Кэтрин каждый день. По нему можно было сверять время. В восемь утра, когда с сухим треском били часы деревянной церкви,

распахивались двери и Ричард заходил в Дом, чтобы сказать жене «Доброе утро» и почитать газету, пока она завтракала. Второй раз он подъезжал к обеду. И если позволяли дела, заходил третий раз перед сном сказать ей «Спокойной ночи», а заодно удостовериться, что Кэтрин в семь часов уже переодели в ночную рубашку и уложили в кровать, что постельное белье и полотенца сменили, что слуховые аппараты поставили на зарядку, а зубные протезы сложили в пластиковый контейнер с водой и дезинфицирующей таблеткой. Семнадцатая комната, в которой жила Кэтрин, была маленькой и темной, с окнами на северную сторону и тенистый угол сада. По вечерам ровный и тихий свет лился сквозь прорехи в густой листве, золотил паутины, мерцал и глож в янтарных наплывах вишневой смолы на растрескавшихся стволах. В алеющем треугольнике неба неторопливо парил коршун, раскинув растрепанные по краям огромные крылья. Взгляд Кэтрин равнодушно скользил по закатным аппликациям на стенах, по гляncу маленьких листьев, по узору на пледе и ни на чем не задерживался.

Ричард сам обустроил комнату: привез удобное кресло из дома и торшер, расставил на подоконниках горшки с геранью. По стенам он развесил свои акварельные портреты: «Ричард в саду», «Наездник», «Папа с любимой собакой». На картинах он выглядел по-фазаньи заносчиво, был не очень похож на себя и только нос с горбинкой и кустистые брови придавали определенное сходство с моделью. Возле телевизора на самом видном месте Ричард поставил черно-белую свадебную фотографию, на которой смущенно улыбалась ослепительной красоты девушка в белом платье,

а рядом худой темноволосый юноша не спускал с нее ревнивых и восхищенных глаз.

Глэдис, живущая в соседней комнате, часто общалась Ричарду ценные сведения, пока тот, склоняясь над маленьким столиком в холле, заносил свои данные в журнал посетителей. Обычно он мрачно выслушивал, молча кивал, как в шпионских фильмах, не глядя на своего агента, шел в комнату к жене. Если слова Глэдис подтверждались, он сплетал руки за спиной и отправлялся с визитом к менеджеру.

Бывший пилот был еще крепким стариком: подтянутым, всегда гладко выбритым, коротко подстриженным. Ему шел восемьдесят седьмой год, и хотя он выглядел моложе своих лет, но все же был старчески скован в движениях, немного шаркал при ходьбе и оборачивался на звук приветствий медленно, всем корпусом, какое-то время пристально рассматривая собеседника круглыми немигающими глазами в очках, прежде чем ответить. Ричард оставался по-прежнему резок и упрям с родственниками и обходителен с дамами. Он все еще водил машину, делал покупки, стряпал себе что-то самое обыкновенное вроде каши и яичницы, следил за большим домом и садом в отсутствие Кэтрин. Ричард ни на минуту не сомневался, что его жена вернется домой. Когда пару лет назад подтвердили деменцию Кэтрин, со стороны казалось, он отнесся к этому как к простуде: надо отлежаться, отогреться, попить чаю с лимоном. Он говорил: «Мама немного приболела» — и вздыхал.

Сыновья достойно пережили череду семейных скандалов, прежде чем удалось устроить мать в дом престарелых. Кэтрин все хуже ходила, нуждалась

в помощи с приемом пищи, а отец отказывался замечать очевидные вещи и выбивался из сил, ухаживая за ней: у него болела спина, он потерял аппетит, началась бессонница. Ночами Кэтрин бродила по их большому дому, включала свет, пыталась мыть посуду или принимать душ, зачем-то набивала раковину чистыми полотенцами, рвала и разбрасывала везде бумажные салфетки, иногда падала, и тогда приходилось вызывать скорую.

— Пап, у нас нет другого выхода, маме нужен профессиональный уход, — кипятился старший сын Стивен. Он был несговорчивой копией отца и проигрывал битву, получая мат после первого же хода. — Почему ты упрямый как мул?

— Я? Мул? Вон из моего дома! — угрожающе тихо и медленно произносил Ричард.

Младший сын был прирожденным дипломатом. Джулиан приезжал погостить на выходные: косил газон, поливал клумбы перед домом, сжигал старые ветки в саду, и только к концу своего визита аккуратно подбирался к болезненной теме. Для начала он делал отцу вкуснейший пимм со льдом и безбожно льстил, подтверждая азиатский тезис о цели, которую обязательно достигнет даже самая грубая лесть. Он очень понимал отца, ценил его мнение, он высоко чтил его заботу о маме и во всем, абсолютно во всем был согласен с ним. Джулиан осторожно начинал с обоюдных выгод: небольшой отдых пошел бы на пользу обоим родителям. Маме необходим покой, а отец в это время сможет разобраться с восточной каменной оградой, которая обвалилась и нуждается в реставрации, починить туалет на первом этаже и оборудовать

специальный душ для мамы, пока она... ну, скажем, «присмотрена». О! Нет-нет! Он не имеет в виду дом престарелых. А что отец думает о сиделке? Конечно-конечно, не самый лучший вариант. «Хотя, если так вдуматься, простая помощь с мамой по утрам и вечерам решила бы множество проблем», — шевеля прогоревшие ветки в костре, размышлял вслух Джулиан.

Сначала появилась приходящая сиделка из агентства на два часа утром и полчаса вечером. Кэтрин не спала по ночам, Ричард измучался. Пару месяцев спустя очаровательная Джил из социальной службы настояла на переводе Кэтрин в дом престарелых: «О! Перевод, несомненно, временный, но необходимый, если вы понимаете, что я имею в виду. Контракт на один месяц. Просто посмотреть, как пойдет. Если вы понимаете о чем я?» Ричард ничего не понимал, он волновался и на вопросы отвечал невпопад. Кэтрин задержалась в нашем Доме на два года.

Они прожили больше шестидесяти лет вместе. В далеком пятьдесят четвертом Ричард встретил Кэтрин на танцах, которые проходили по субботам на базе ВВС в Уэльсе. Они поженились через год, когда Ричарду исполнилось двадцать пять лет, ведь именно с этого возраста он смог претендовать на отдельное жилье и съехать из комнаты в офицерском клубе. Их первым домом стал холодный барак, свой первый день рождения в качестве жены Кэтрин провела одна. Она, вероятно, совсем бы пропала, если бы не забота офицерских матрон. Сперва они покровительственно наставляли, пытаясь указать ей, неопытной и перепуганной девочке из уэльской деревни, ее место в обществе, обучить сложному этикету Клуба Жен. Но в то

же время именно они приходили на помощь в нужный момент, когда муж был на учениях, а надо было устроиться на новом месте, попасть к врачу, оставить с кем-то детей. Супруги переезжали с места на место больше двадцати раз: Ричард служил в разных частях Англии, в Германии, Голландии, на Кипре. Свою первую мебель они арендовали, потому что жалование молодого офицера было ничтожным, лишь в семьдесят девятом Маргарет Тэтчер — покойся с миром — повысила военным оклады почти на тридцать процентов.

Все тяготы переездов, все заботы о доме, провизанте, угле и детях ложились на плечи Кэтрин. Ричард ставил боевую задачу и отбывал в распоряжение части, офицерского клуба и в полном соответствии с социальными стереотипами своего времени в домашних делах участия не принимал, уезжал на долгие учения, а по возвращении любил пропустить пинту-другую пива с сослуживцами. Он оставлял Кэтрин в мире конца пятидесятых без стиральных машин, холодильника, телевидения, центрального отопления, супермаркетов, телефонов, но с паровозами, стиркой по понедельникам, нелегальными абортами и телесными наказаниями в школах. Постепенно она научилась неплохо справляться.

Из-за частых разездов пришлось отдать детей в школу-интернат. Кэтрин тяжело переносила расставание, но не смела перечить мужу. Первое время она обмирала и смотрела растерянно на рисунки, деревянные луки и сандалики мальчиков, натываясь на их вещи повсюду, словно они вступили в сговор, чтобы известить ее. Кэтрин оставалась один на один с пустым,

тихим домом и часто на краю сна слышала детский смех и шумную возню во дворе. У нее освободилась уйма времени, обычно уходящая на домашние хлопоты, и она, бывало, часами бесцельно бродила по дому и саду, оживляясь немного лишь при появлении супруга. Вот тогда-то, во время трехнедельной отлучки Ричарда, она устроилась в магазинчик в Брайз-Нортон, что располагался поблизости от его авиабазы.

По негласному закону жены летчиков не работали: им полагалось служить мужьям и забыть о собственной карьере. Однако многое стало меняться к середине шестидесятых: этикет гостиных, визитные карточки, статус офицерской жены. И все же это было неслыханной дерзостью — устроиться на работу, не посоветовавшись с Ричардом, не спрося его мнения, его, наконец, разрешения. Кэтрин, оглушенная своей потерей, погруженная в мысли о сыновьях, совершенно обо всем забыла. Перед отъездом Ричард, пытаясь отвлечь жену, организовал уроки вождения, и она успела три раза прокатиться на красном форде. Кэтрин училась быстро и уже мечтала о своей машине: она смогла бы чаще навещать мальчиков.

Но именно в магазине, на своей первой в жизни работе, Кэтрин ожила. Она вставала очень рано, мыла голову в маленькой холодной раковине на кухне, завивала и укладывала волосы, гладила одежду. Прибегала в магазинчик заранее, прибирала, мыла витрину и, перевернув табличку «Открыто» ровно в девять часов утра, взволнованная и сияющая, становилась за прилавком, осторожно поправляла локоны, перехватив свое отражение в стекле открывающейся двери. Ей

нравилось все: звон колокольчика и скрип маленькой двери, запах бакалеи — пряный, теплый, неподвижный. Местные жители годами приходили в этот магазин, держали в нем счета, которые пополняли раз в неделю, и чаще всего посылали детишек со списком необходимых покупок и корзинками. Она, улыбаясь наблюдала сквозь витринные окна за худенькими фигурками, шатающимися под тяжестью больших корзин. В те славные времена можно было на два фунта отовариться на целую неделю семье из пяти человек.

Кэтрин не ожидала от себя такой ловкости, такой смелости и расторопности в этом новом для нее деле, словно работала уже много лет. Бойко отрезала и взвешивала сыр, разливала уксус из бочки, наполняла корзины или отсчитывала сдачу. Ее прилавок был маленькой сценой, на которой она выступала четыре дня в неделю с девяти до шести. Она полюбила в разговоре с соседкой свернуть, что хотя ей нравится работать, но она устает с непривычки. Этот английский глагол «работать» она сперва держала во рту горячей картошкой, а затем выталкивала, обжигая небо: “to work”, — и улыбалась уголками губ. Красивая, приветливая, добросовестная Кэтрин за две недели стала любимицей постоянных покупателей. Выручка магазина увеличилась.

Вернувшись во вторник утром с учений, Ричард остался один в крепко надушенной прихожей и, едва сдерживая гнев, медленно прикрыл дверь за женой. Вечером был мрачен и немногословен. Кэтрин, обычно чрезвычайно чуткая к настроениям мужа, не обратила особого внимания на его состояние, не приставала с расспросами, решив, что у него снова

какие-то проблемы на службе. Она испекла его любимый яблочный пирог на ужин: ей хотелось отпраздновать свое трудоустройство. Ей не терпелось столько всего ему рассказать.

Много позже она вспоминала тот вечер, и грязные тарелки на столе, и свет редких фонарей в масляной черноте окна, Кэтрин слышала обрывки разговора, видела складки зеленого платья, которые она нервно расправляла. Ричард сначала медленно чеканил слово за словом, набирая высоту и скорость: она «не смела», «это отвратительно», «какой-то захудалый магазинчик», «опозорила», «бакалейщица», а затем срывался на крик и стучал по столу. У нее уплыл под ногами пол, закачался стол, она видела, как белели костяшки на кулаке Ричарда и большая вена на его шее надувалась полной и извилистой рекой. Ей стало невыносимо стыдно. Ричард был сто раз прав. Она пыталась понять, как так вышло, как она могла, не спросив мужа, пойти работать, да еще кем? Продавщицей! Только отъезд мальчишек несколько оправдывал ее поведение: она пыталась заполнить зияющую дыру, которую оставили дети, уехав из дома. Кэтрин тихо всхлипывала и не смела поднять на мужа мокрых глаз.

Он отменил ее уроки вождения на следующий день. Через месяц они переехали на Кипр.

...Кэтрин и Ричард обычно обедали в столовой со всеми, но за отдельным столом. Ричард повязывал вокруг шеи жены салфетку и ее край прикреплял маленькой прищепкой к блузке: его личное изобретение. Он зорко следил, чтобы у Кэтрин из приборов была только ложка, чтобы был приготовлен стакан сока. Он звал нас, как официантов, приподнимая

указательный палец над головой: «Мама будет яблочный сок».

Я приносила тарелки, он придиричиво осматривал их содержимое, доставал из бокового кармашка твидового пиджака перочинный ножик, долго раскрывал его, обстоятельно протирал лезвие и нарезал мясо на мелкие кусочки. Затем Ричард ставил тарелку перед женой.

— Кэтрин, — спрашивала я, — что ты предпочитаешь на десерт: рисовый пудинг или мороженое?

Кэтрин поворачивала голову и вопросительно смотрела на супруга.

— Мама не любит рис, — после паузы отвечал Ричард, — мороженое, пожалуйста.

Стоял май — шумный, теплый, светлый, с переменчивой погодой, ветрами и грозами. На фасадах деревянных коттеджей появились душистые кисти фиолетовой глицинии, в каждом саду обильно и приторно зацвели розы.

Однажды солнечным утром, когда густые тени свежей листвы вокруг Дома были еще непривычны, Ричард не пришел. Пробыло восемь часов, затем девять, а он не появился.

Накануне он лег пораньше в просторной спальне своего большого дома и уже не проснулся. Долго и требовательно звонил телефон на первом этаже, ласточки пронеслись в пустоте голубого окна без занавесок, и старший сын, не дозвонившись, спешно выехал из Бирмингема.

...Кэтрин около года звала его настойчиво, особенно по утрам: «Рик, где ты? Рик!» Иногда в середине дня она порывалась уйти из столовой, потому что

«СТАРЫЙ ДУБ»

за ней пришел муж: нельзя же заставлять его ждать. Тогда Кэтрин вскакивала с кресла, забывая, что уже не ходит, и падала на пол. Ее часто навещали сыновья. Они приходили с детьми, женами, собаками. Кэтрин смотрела на них с обожанием и говорила что-то невразумительное: какой-то не имеющий смысла набор слов, который прорывался сквозь беспмятство и безумие, как послания с тонущего корабля пытаются пробиться через непогоду и повреждения, чтобы еще раз сказать о своей любви.

День за днем она теряла память, реже звала мужа и едва узнавала сыновей, но всегда по пятницам с большим аппетитом ела рыбу, картошку и гороховое пюре.

L : Lorraine

[Лорейн]

В начале июня пришла настоящая жара, с палящим солнцем и духотой. В полуденном мареве бледнело небо без единого облачка. Зной придавал дням какое-то курортное легкомыслие. Вечера приносили долгожданную прохладу. Я часто засиживалась допоздна в саду: читала, смотрела сериалы, звонила друзьям. У калитки расцвели пионы, цветки люпинов и наперстянки лиловыми копьями торчали из резной листвы. Бузина, усыпанная розетками белых цветков, закрывала дворик с улицы. На соседской березе допоздна ворковали дикие голуби. Иногда вечером я ходила на прогулку и смотрела, как красный диск опускался за крыши маленькой фермы на краю поля. Лишь раз за две недели вдруг резко похолодало. Весь день лил дождь, сбивал раньше времени листву, и по-осеннему тянуло горьким дымом костров. К вечеру небо прояснилось, ненадолго выглянуло солнце, а темно-синие клубы туч собрались на горизонте в горную гряду с причудливыми очертаниями. Казалось, что деревня лежит у самого подножия

горы. Но уже на следующий день мы снова плавались на работе от жары, включали вентиляторы, пили минералку и спасались вечерней свежестью.

Дэвид и Анна несколько раз за лето приглашали меня на домашние пироги с кофе. Однажды они позвали на полуденный чай — cream tea, который подают обычно с булочками-сконами, джемом и сливочным кремом. Сконы Анна приготовила замечательные — рассыпчатые и легкие. Тщательно продумала сервировку: под каждое блюдце хозяйка положила круглую картонную подставку с красным ободком, под каждую чашечку — салфетку с алым кантиком, в маленькой вазе в зелени острых листьев теснились тугие кочаны пурпурных пионов.

Дэвид пригласил своего друга Филиппа, военно-морского офицера в отставке. Я виделась с ним несколько раз. Он жил один и, возможно, потому был излишне многословен: за наше короткое знакомство мне удалось дважды услышать историю о том, как он поступил во флот, не умея плавать. Это был невысокий полный мужчина, рассеянный, добродушный и туговатый на ухо — было сложно представить его в военной форме, на капитанском мостике, отдающим приказы. Он жил через дом от меня, и я, прогуливаясь по вечерам, порой слышала, как он раскатисто чихает или ужинает, колотя ложкой по тарелке, словно вступил с ней в неравный бой. Иногда я видела в окно гостиной обмякшего в кресле Филиппа, дремавшего над раскрытой книгой в теплом свете торшера. Филипп говорил громко, много и шутки заканчивал таким натужным, таким напористым смехом, что, казалось, он

выталкивал его из себя, как вагонетку, груженную доверху углем.

— Я, собственно, должен был поступить в колледж в мае и был уверен, что у меня есть масса времени побороть страх воды и научиться плавать, — рассказывал Филипп, — но однажды в декабре мне позвонили из министерства обороны и сообщили, что неожиданно освободилось место и я могу прибыть для прохождения учебы в Дартмут. Я поинтересовался, когда мне необходимо выехать. Мне ответили, что завтра! Завтра?! На следующий день мне предстояло проехать пол-Англии, а я даже не был собран.

Филипп округлил глаза и захохотал.

— А я им говорю: но как же быть, я ведь не умею плавать?! «О, солнышко, — ответил мне прокуренный бас, — об этом не волнуйся, там тебя очень быстро научат!»

Филипп снова расхохотался. Лицо его покрылось красными пятнами, на лбу выступили капельки пота.

Дальше следовал рассказ о строгом и придирчивом сержанте, под началом которого «солнышко» действительно довольно быстро обучился держаться на воде, и страх перед сержантом полностью вытеснил страх воды. А вот еще, вот еще... Когда он был кадетом, бывалые матросы научили его старому хитрому приему, как можно избежать офицерских приказов и устроить себе небольшой перерыв. Надо взять пустое ведро и ходить с ним из одного конца корабля в другой с озадаченным видом человека, спешащего по делам.

— Понимаете? — трясся от смеха Филипп. — Ведро! Шел бы с пустыми руками — остановили бы, послали что-то делать...

Позже молодой кадет стал офицером и всегда подзывал к себе на пару слов матросов с пустыми ведрами.

Филиппу было жарко, он выпил несколько чашек чая, рассказывая свои истории, размахивал руками и дважды чуть не опрокинул кофейный столик. Обращаясь ко мне, отставной офицер говорил еще громче, жестикулировал, словно это помогало пониманию иностранной речи:

— У меня есть много книг! — кричал во всю глотку Филипп, разводил руками в стороны и тряс ими, пытаясь наглядно показать мне размер своей библиотеки. — Я, — он стукнул себя в грудь и кашлянул, — я люблю читать.

Когда он уходил, отдуваясь и побрякивая, то не заметил, как смахнул все салфетки с подноса на пол, как наступил псу на хвост и тот тихо заскулил. Все время Анна беспокойно наблюдала за его передвижениями, и только после ухода соседа она налила себе чай и откинулась в кресле. Стало очень тихо, мы слышали, как в раскрытых окнах шумят на ветру деревья.

С Дэвидом и Анной мы говорили о погоде, о соседях, жаловались на высокие цены так безучастно, что порой я чувствовала себя внутри топика на тему «Гости» для студентов, изучающих английский язык уровня Intermediate. Но между тем меня трогали их участие, их ненавязчивая внимательность, их деликатная забота. Когда я ошибалась, они поправляли меня на английский манер: повторяя сказанную мной фразу с исправлениями. Мы проводили вместе праздники, я иногда помогала Анне с покупками или садом.

И очень скоро перестала воспринимать их как соседей, как англичан. Если я вспоминала наш разговор спустя какое-то время, мне казалось, что они говорили по-русски.

Возможно, их беспокоили болезни, грядущая беспомощность, страх смерти и вероятность окончить свои дни в доме престарелых, но они предпочитали не делиться этими переживаниями и лишь осторожно расспрашивали про свою соседку Мэри, которая провела уже год в нашем Доме.

Мэри Хейнс жила в двадцать третьей комнате, рядом с Питером. Из нее, как из тростника, можно было добывать сахар, до того она была сладкой. Я любила ей помогать с утренним туалетом: она лежала на подушке с кружевными воланами, смотрела на меня почти не мигая очень долго и внимательно, чтобы затем тихо произнести:

— Ты хорошая, ты мне нравишься.

Я легко соглашалась. Мэри всему умилялась, за все благодарила и всегда уступала, за некоторыми исключениями: она никогда не покидала комнату без чулок, не носила брюк и не выходила на улицу без шляпки. Если новые сотрудники забывали помочь ей надеть чулки, она тихо плакала, показывая на ноги, и не желала идти на завтрак. Мебель в комнате была привезена из ее маленького домика: два небольших комода, трюмо и кресло с журнальным столиком. На тумбочке перед зеркалом Мэри любовно расставила фарфоровых балерин, вазоны с искусственными цветами, на кружевные кремовые салфетки разложила в ряд гребенки и щетки для волос, коробочку с пудрой и флакон духов с приторным, конфетным запахом. На прикроватном

столике рядом с лампой, носовыми платочками и будильником сидел плюшевый шотландский терьер — копия ее бывшего питомца. Изображение этого низкорослого упитанного бородатого пса было повсюду: на подушечках для кресла, на пуфике для ног, на свитерах и блузках, на вышитых крестиком картинках в круглых деревянных рамках, на подносе и пижаме, футляре для очков и домашних тапочках. Если у шотландских терьеров существует рай, он обязан выглядеть в точности как комната Мэри и на его стене непременно должен висеть групповой снимок хорового общества частной школы, в которой Мэри проработала всю жизнь.

По субботам старушку навещала дочь Лорейн, по воскресеньям — сын Малком. Брат с сестрой не разговаривали несколько лет. Это была длительная, тяжелая вражда, окончания которой уже никто не видел. Ведь известно, что всякую войну легко развязать и невероятно трудно завершить.

— Ну что, мама, Лорейн вчера приезжала?

Мэри кивнула.

— Она опять принесла игрушки?

Малком брезгливо держал за хвост мехового зайца, которого выдернул из плетеной корзинки, набитой мягкими игрушками.

Старушка снова осторожно кивнула и тревожно улыбнулась. На ней была соломенная шляпка с ягодками и новое сиреневое платье: она нарядилась для прогулки.

— Лорейн думает, мама в детство впала? Она просто не воспринимает тебя серьезно, понимаешь? Думает, мама выжила из ума.

— Думает, — ответила Мэри.
— Она ведь даже не разговаривает с тобой.
— Не разговаривает, — просто соглашалась Мэри.
— Она же считает, что с тобой не о чем погово-
рить.

— Считает, — вторила старушка.

Я приносила им чай в комнату и часто видела ее растерянное лицо, ее напряженную улыбку. Обычно Малком сидел в ее кресле, положив ногу на ногу, и крутил носком башмака. После чая они шли в сад, и по пути Мэри раскланивалась с встречаемыми сотрудниками и постояльцами.

— Сын. Мой сын. Идем гулять, — говорила она всем.

Малком был несправедлив к сестре. Лорейн приезжала из Лондона каждую субботу в любую погоду, тратя на дорогу в одну сторону около двух часов. Она всегда привозила кокосовые йогурты и цветы. Сперва Лорейн шла с букетом на кухню, долго искала подходящую вазу, подрезала цветы. Она будто намеренно занимала себя этой возней, чтобы отложить встречу с мамой, в которой всякий раз отмечала новые, ранящие сердце изменения: казалось, мама хуже говорила, дольше вспоминала подходящие слова, сильнее горбилась. Каждую неделю дочери приходилось заново обживать ее образ, как квартиру, в которую возвращаешься через месяц отпуска, когда медленно привыкает глаз и все чужое — слишком низкий потолок, темная прихожая — постепенно снова становится своим. Пару раз Лорейн находила маму с синяками, смущенную и виноватую, потому что накануне она упала с кровати, наутро начисто забыла об этом факте

и теперь уклончиво отвечала на вопросы. Иногда дочь привозила какую-нибудь мягкую игрушку, которую мама долго прижимала к груди и шептала: «Какой он милый», чтобы потом положить в корзину и забыть. Вручение подарков всегда было лучшим моментом визита, возможно, это и было то, из-за чего она каждую субботу проделывала утомительный путь из Лондона: увидеть счастливую маму, так хорошо знакомую маму своего детства с ее радостными вскриками, с ее ласковой улыбкой, нежным шепотом, с ее челкой, сбегаящей на открытый чистый лоб. Лорейн скучала по матери, по дому своего детства, и прошлое, податливое, как пластилин, невольно выходило у нее идеальным: залитым летним солнцем, усыпанным брызгами морского прибоя и пляжным песком. В нем не бывало зим, слякоти и горячих, злых слез.

Лорейн собирала с Мэри пазлы в гостиной, читала ей пару глав из ее любимых книг: «Трое в лодке», «Этот неподражаемый Дживс», «Волшебное лекарство Джорджа». Мэри смеялась щурясь, трясла белыми кудряшками. В хорошую погоду они ездили в соседний городок за покупками.

Десять лет назад Лорейн развелась и теперь жила одна в небольшой квартире в Лондоне, работала секретарем в строительной фирме. По пятницам после работы она ходила в паб с сослуживцами, по субботам она навещала маму, по воскресеньям занималась йогой. Неизменная многолетняя рутина, как альпинистская страховка, не позволяла ей сорваться в пропасть одиночества, давала силы по утрам встать с постели и нажать кнопку на кофемашине.

После потери отца прошлой осенью Лорейн стала чаще навещать маму, собиралась перевезти ее к себе в Лондон. Старший брат был маминым опекуном, и, когда ее проблемы с памятью стали серьезнее, он перевез ее в дом престарелых, а одноэтажный домик продал. Растущее с годами недовольство друг другом у брата и сестры переросло в открытую вражду, они перестали разговаривать и избегали друг друга.

По праздникам Лорейн приезжала к маме, только убедившись, что Малком не появится. Обычно она привозила сладости для сотрудников с маленькой подписью: "From Mary and Lorraine. Help yourself". Однажды она оставила небольшой пакет для Корнела. Я позвонила коллеге ближе к концу смены. Мы договорились о встрече. У него было три дня выходных подряд. Он жил с двумя коллегами в небольшом коттедже, который принадлежал Дому. Квартплата там была символической, условия — спартанскими: зимой холодно, летом жарко. График уборки никто не соблюдал, и аккуратный Корнел жаловался на грязь и бардак так часто, как англичане на плохую погоду.

Корнел встретил меня после работы, взял подарок и тут же вскрыл коробку, в которой нашел кулинарную книгу с открыткой. Оказалось, у него был день рождения. Он упоминал это в разговоре с Лорейн неделю назад, и она запомнила.

— Да, — грустно улыбнулся Корнел, — второй раз в жизни я провожу день рождения один.

Мы шли медленно. Корнел говорил. Вечер был теплый, ясный, тихий, солнце еще стояло высоко над деревьями, и только белые росчерки перистых облаков

выдавали скорую перемену погоды и сильные ветра в недосыгаемой высоте.

— Я сказал себе: сентябрь. В этот раз — сентябрь, и все, — говорил Корнел. — В прошлый раз был май. Я так обманываю себя, говорю себе: Корнел, ты тут не навсегда, осталось немного. Ты уедешь в сентябре, Корнел.

Как все румыны в Доме, он стригся почти налысо из экономии и удобства. Я заметила, что у него на макушке волосы заметно отросли и стояли торчком, как иголки у ежа. Сколько ему лет? Сорок три? Сорок пять? Я работала с Корнелом больше полугода и никогда не приглядывалась к нему, никогда не воспринимала всерьез.

Он носил брюки провинциального покроя, пузырящиеся на коленях, беспрестанно что-то ел и был по-деревенски простодушен и разговорчив — все это в моих глазах начисто исключало наличие у него сложных чувств, переживаний, какой-нибудь тайны, жизненной драмы. Казалось, он был прозрачен и незамысловат, как граненый стакан. Наказанная за равнодушное высокомерие, я слушала Корнела и знала уже наверняка, что сегодня долго не усну. Я слушала Корнела, и одновременно с тем мысли, как шелковая подкладка, охладили кожу. Я шла и отчетливо понимала, что у меня нет слов утешения. По старому детскому сговору я машинально обходила трещины на асфальте и думала о том, что заколдованные чудовища все-таки существуют, они порой приходят в нашу жизнь бритые наголо, в старомодных брюках хрущевских времен, жуя пирожки. В их неуклюжих, уродливых телах прячется красота и благородство, боль и надежда, сила и мужество.

Дорога, по которой мы шли, круто спускалась вниз, так что в синей низине можно было разглядеть крошечные домики, поля, разделенные дорогами и круглые деревья. В эту долину, частично скрытую за оградами и платанами так и просилась широкая река с заросшими берегами. Мне всегда хотелось, чтобы там был спуск к воде, но за полями, за железной дорогой, за перелесками начинались соседние деревни. Вечером прохожих почти не было. Мы повстречали бегуна и седую женщину, которая вела на поводке старого спаниеля. Пес высунул розовый язычок и шумно дышал. Женщина улыбнулась и кивнула.

...Когда-то в другой жизни Корнел был молод, ездил на заработки в Америку, встречался с голубоглазой красавицей, играл в футбол. Он купил небольшую квартиру в ближайшем от своего села городке, планировал свадьбу. Тем далеким жарким летом он день ото дня чувствовал слабость и сонливость, пока не упал в обморок. Ночью, в больнице, посвистывая, как железнодорожный рабочий, болезнь отцепила его вагон на полустанке и оставила там навсегда его детство, юность и счастье каждого без исключения дня. И только один вопрос много лет мучил его, заставлял просыпаться в слезах: «Почему я? Почему это случилось именно со мной?» Он прошел химиотерапию, сдал свою городскую квартиру и переехал к родителям в село. Днем он держался как мог, а ночью выходил на улицу и долго смотрел в равнодушное небо, а потом в слепой, бессмысленной ненависти к себе проходил километры в полях, безразличный к красоте и теплу южной ночи, под жужжание кузнечиков отмерял шаг за шагом, пока не выбивался из сил. Он

облысел, и добрая мама тихо прятала зеркала в доме, так что не было возможности толком побриться. А голубоглазая молдаванка? Они расстались: кому он такой был нужен... Сейчас он чувствует, как каждый день теряет силы, каждый день работает через боль, но он обязан работать, пока может, пока есть силы, он обязан отложить хорошую сумму на будущее. Ему раз в неделю звонит сестра. Флорина так похожа на маму. Она просит его вернуться и повторяет, что она, ее муж, ее сыновья и брат любят его и ждут, чтобы он не забывал. Он помнил.

— Вы все, — с горьким упреком сказал Корнел, — вы все не понимаете, чем обладаете. Вы здоровые эгоисты. Вы должны быть благодарны, а вы... — Он махнул рукой.

Я держалась за калитку и нетерпеливо переминалась, мне хотелось уйти, такой я стала маленькой и ничтожной, такой виноватой.

— Вы не знаете, как это, когда твое тело ватное, а в жилах течет вода и утром уходит сорок минут на то, чтобы просто встать с постели и принять таблетки.

Я не пригласила зайти, я что-то буркнула, избегая смотреть ему в глаза, что голодна, что мне пора идти...

Корнел спохватился: глупый какой, разболтался, он обычно себе такого не позволяет. Он, собственно, не это имел в виду. Но эта работа, усталость, и даже не с кем поговорить в свой день рождения. А сколько когда-то приходило гостей! Какой накрывали стол! Какие мама донатсы пекла на его день рождения! О! Он таких донатсов больше никогда и нигде не ел...

— Ты забудь, не обращай внимания. Ты знаешь... — он метнул быстрый, оценивающий взгляд, — ты никому, пожалуйста...

— О! Не волнуйся об этом...

Я должна была ответить откровенностью, но я не стала этого делать, до того незначительным мне теперь показался секрет, который я берегла, как проигрывал он в сравнении с теми жизненными потрясениями и ударами судьбы, свидетелем которых я была последние полгода. Я не захотела рассказать, как однажды перевернулся мой мир, как жгла обида, как после развода я собралась за сутки и улетела в Лондон, потому что была удачливой владелицей европейского паспорта и проживающих в Англии друзей. Мне нашли через знакомых хороший вариант в Котсволде, коттедж в маленькой деревушке, с минимальной предоплатой и без справки от работодателей. Я могла бы поведать, как таяли мои средства, как несколько месяцев ушло на поиски работы, но я твердо решила не возвращаться, пока не буду готова. Я так держалась за свою обиду, так лелеяла свою боль, что, когда они прошли, моя жизнь пошатнулась, и одиночество незаметно пробралось в нее, как туман с вечерних лугов.

Одиночество накинуло свою сеть на Филиппа, который все еще бьется на берегу, как скользкий и блестящий карп: он ходит в гости к соседям, перебирает перед сном записную книжку и звонит старым сослуживцам, посещает историческое общество по четвергам и рассказывает, как он поступил во флот, не умея плавать.

«СТАРЫЙ ДУБ»

Одиночество стало уделом Лорейн, ее тихой гаванью, в которой она учится быть в ладу с собой, пытается простить брата, греется воспоминаниями детства, как у догорающего камина.

Каждую субботу по вечерам колокола нашей церкви звонят больше часа. Опытные и начинающие звонари съезжаются со всей округи к нам в деревню, чтобы потренироваться. Мне, возможно, показалось, но в тот вечер звон был особенный: гулкий, раскатистый, нарастающий, словно он снова созывал людей, отпугивал злых духов и напасти. Я раскрыла окно, и радостный шум заполнил мою тесную комнату.

М : Margaret
[Маргарет]

В июле зацвела липа. Больше недели деревня была в плену жаркого медового аромата. Липовый цвет осыпáлся и, подгоняемый ветром, золотой мишурой стелился по краям улиц, пешеходных дорожек, хрустел под ногами, набивался в решетки люков. Выгоревшая трава сухими метелками обрамляла тропинки в Диком Саду. Все чаще на обочинах встречались розовые заросли кипрея, а в колючем ежевичнике мерцали маленькие бледные цветки и виднелись ядрышки зеленых ягод. По вечерам вдали гудели комбайны, собирая созревшую пшеницу с соседних полей. Казалось, лето дошло до своей вершины: еще совсем чуть-чуть, и оно неумолимо покатится с горы — пересохнут ручьи, обмелеет пруд, начнет раньше темнеть, а в черный сумрак ночи полетят искры падающих звезд.

— Я буду звать вас миссис Слива, — сказала Маргарет при знакомстве и внимательно посмотрела на меня поверх очков. — Испанское блюдо, пять букв. Есть какие-нибудь идеи?

— С испанской кухней незнакома. А почему Слива? — деловито поинтересовалась я, подыскивая удобное место для подноса с завтраком и прикидывая в уме, какая форма деменции у постоялицы.

Двадцатая комната казалась просторной: мебели было немного. На кровати лежал моток шерсти, проткнутый двумя толстыми деревянными спицами. С прикроватной тумбы свисала плойка, шнур петлял и прятался в выдвижном ящичке. Места для чашки чая и тарелки с кашей на столе я не нашла: все было заставлено фотографиями, завалено газетами, книгами, сборниками кроссвордов и тюбиками с кремом. Шоколадный Санта-Клаус прятался за небольшой вазой с сухими цветами. Коробка бумажных салфеток, рождественская открытка, цветные карандаши, шариковые ручки, пара леденцов лежали на самом краю стола, грозя в любую минуту упасть.

Улыбаясь, Маргарет вспыхивала, как ночник: загорались ее глубоко посаженные глаза, озарялось худое бледное лицо.

— В конце тридцатых, я точно не помню год, — она говорила медленно и слегка кивала в такт своим словам, — тридцать шестой или тридцать седьмой, был на радио Би-би-си такой многосерийный спектакль про семью по фамилии Слива. Главную героиню звали Виктория. Я даже помню песню, которой начиналась радиопередача.

И она неожиданно бодро и тоненько затянула:

Come, come, come!

Remember you're a plum!

Она тихо засмеялась и показала на колени:

— Давайте мне сюда поднос, на столе никогда нет свободного места. Развела бардак.

«Необычная форма деменции», — подумала я.

Она была такой маленькой, что ее ноги в толстых полосатых носках не доставали до пола. На Маргарет было шерстяное платье и кардиган, в рукав которого она ловко прятала одноразовые носовые платочки. Тем же вечером, когда я готовила ее ко сну и помогала снять одежду, она осыпáлась на пол белыми бумажными лепестками, как хризантема, и смеялась, приговаривая: «Какая я неряха». В любую погоду у нее были ледяные пальцы, она все время мерзла — днем куталась в шерстяные кофты и набрасывала шаль на плечи, ночью спала в толстой флисовой пижаме.

— Я буду вас называть Маленькая Лягушка, — сказала я, укрывая Маргарет вторым одеялом.

Так повелось со дня первой встречи: я помогала ей с вечерним туалетом, приносила теплое молоко «для хороших снов» и слушала ее рассказы. Послевоенные годы. Ее первая самостоятельная поездка в Италию. «Самолетом, представляете?!» Автомобиль довез ее прямо до трапа. Тогда не было всех этих турникетов, досмотров. Весна. Ветер играл лентами шляпы, зеленое платье. И слепящее солнце... Ах, она теперь такая развалина... (кокетничала).

Маргарет недолго проработала в соседней деревне на телефонной станции, вышла замуж рано, родила троих сыновей. После смерти мужа решила поселиться в таком доме престарелых, до которого всем сыновьям было бы удобно добираться. «Старый дуб» подошел идеально, но свободная комната оказалась

только в отделении деменции. Она согласилась временно занять двадцатую комнату, и, знаете, ей понравилось. Сыновья навещали Маргарет по выходным. В любой момент мог ворваться Джек. Под вечер заходила Салли, брала сладости со стола или плед с кресла, иногда засыпала у нее на кровати. Маргарет выросла в большой и дружной семье — шум и хаос нашего Дома ей был привычен, ей не было одиноко. Если кто-то из сотрудников пытался вывести незваную гостью, Маргарет выкидывала ладошку вперед жестом регулировщика и серьезным, покровительственным тоном произносила:

— Оставьте ее. Она мне не мешает.

Салли часто приносила игрушки, фотоальбомы или небольшой тканый мешочек со своим «наследством». Дед Салли, бродяга и авантюрист, уехал в Америку в самый разгар золотой лихорадки. Семейное предание гласит, что Джону невероятно повезло: за пару лет скитаний он смог заработать... на обратный билет.

— Вас бы всех сейчас не было, — хрипел дед на семейных сборищах, набивая трубку, — если бы я тяжелым и упорным трудом не заработал на поездку домой. Да, скопить ничего не удалось, но не будем гневить судьбу.

У бывшего золотоискателя было трое детей, шесть внуков, и именно это он считал удачей своей жизни. Всем внукам в наследство он оставил «золото дураков»: небольшие кусочки минерала пирита, так похожего на драгоценный металл. В детстве Салли верила, что в маленьком мешочке хранятся золотые самородки.

Напротив Маргарет жил самый шумный постоялец. Ближе к ночи Дерек был как никогда строг к своим невидимым курсантам, тренируя их с особым тщанием. «Один, два, три, пошел! — надрывался Дерек. — Один, два, следующий! Молодец! Хорошая работа! Так держать!» От его истошного крика Маргарет порой просыпалась среди ночи даже без слуховых аппаратов.

По утрам я заходила поздороваться, когда замечала свет в ее комнате.

— Как вам спалось, юная леди? — церемонно спрашивала я.

Маргарет было несложно рассмешить.

— Дерек разбудил меня только два раза. В целом ночь прошла хорошо, — улыбаясь отвечала она.

Я давно заметила, что время движется неравномерно, ускоряясь в конце лета и замедляясь к ноябрю. Наступил август — короткий и легкий, как выдох. Сухие, солнечные дни быстро таяли в сырых сумерках. Низкая луна светила ярко и резко, в ее обманчивом серебристом свете плыла моя длинная черная тень во время поздних прогулок. Август гнал из дома, расточительно сыпал звездами и горчил, как дикий мед. На липах у дома появились первые, редкие желтые листья. Стало тихо в садах, ветви клонились к земле под тяжестью яблок. Клумбы и цветочные бордюры целиком захватили приторные флоксы, георгины и гладиолусы. Золотистые рулоны сена были в беспорядке разбросаны по убраным полям, а живые изгороди чернели от спелых ягод ежевики и бузины.

Однажды утром я обнаружила свое имя в списке очередного тренинга. Мы с коллегами собрались

в небольшом конференц-зале. Полный мужчина с одутловатой шей, поросшей редким пушком, в тесной рубашке, держал руки в карманах просторных брюк и неторопливо прохаживался вдоль первого ряда. Ожидалась короткая лекция о типах и особенностях деменции. Лектор быстро представился: «Тревор» — и ткнул указательным пальцем в переносицу, поправляя очки. «Так ведь выколлет себе однажды глаз или очки сломает», — подумала я.

— Каждый из вас отдавал всего себя, когда начал работать здесь. Каждый, — заговорил лектор насмешливо и оглядел слушателей. — Знаю, вы скажете, что у вас все было иначе. Но, поверьте моему опыту, все или почти все первое время отдавали себя без остатка, на сто процентов. Приходили домой и падали замертво от усталости. У каждого из вас был свой любимый постоялец, человек, которому вам нравилось помогать, который стал вам близок. И вы, несмотря на запреты, покупали ему, ну, например, — Тревор посмотрел сначала на меня, затем на мою соседку Джулию, — его любимый сок в местном магазине или дарили небольшие подарки на Рождество.

Тревор мотнул головой, словно пытался высвободить шею из тисков тесного ворота, и снова энергичным движением поправил очки.

— А потом вдруг этот постоялец уходит! Вы чувствуете опустошение, потерю и понимаете в конце концов, что вам надо жить свою жизнь, и этой работе выделять не сто, а, допустим, семьдесят процентов.

Стало тихо. Тревор налил себе стакан воды и раскрыл стеклянную дверь в сад, что-то пробормотав о духоте. Я услышала, как за деревней под drobный

перестук пронёсся поезд, увидела, как серая белка пугливыми рывками взбиралась по стволу яблони...

Мне очень хотелось, чтобы лектор оказался не прав. Нет, нет. Скорее всего, так. Мы все молчали, избегая подтвердить его правоту. Этот самодовольный толстяк, поминутно обтирающий лоб мятым носовым платком, — кто он такой, чтобы цинично прикидывать размер нашей самоотдачи?! Приходил ли он домой в синяках и царапинах? Мучился ли болями в спине к концу смены? По рядам не пронёсся ропот: «О! Да! Совершенно верно!» Брайн равнодушно жевал губами, Даниель рассматривал ногти, красавица Джулия осторожно достала мобильник и незаметно читала сообщения, я смотрела в окно.

...После ночного приступа она почти не говорила. В ее комнате неотлучно дежурили сыновья. Иногда по вечерам они собирались все вместе, сумрачно басили на разные лады, словно тромбоны в оркестровой яме. И Маргарет, их маленький гобой, вдруг выдавала свою тихую ноту ля, чтобы все умолкли, настроив свои сердца на близкую, неотвратимую разлуку.

Я приносила им в комнату чай с печеньем и видела, как заострились ее черты, а кожа на руках, безвольно лежащих поверх одеяла, стала прозрачной, как речная вода. Как ни старалась, я не могла представить себе, что она больше не будет смеяться, делая со мной свою неуклюжую гимнастику в коридоре, не будет восхищаться, разглядывая из окна моего снеговика в снежном цилиндре, не станет благодарить за новую книгу или свежий букет роз из моего сада. Но Маргарет таяла, уже отказывалась от еды, и, вместо

приема пищи, второй день мы смачивали ее сухие губы влажными салфетками. Я не чувствовала ничего, кроме глухого бессилия.

Вечером Дерек в соседней комнате разволновался, раскричался. Щуплый, кучерявый, в квадратных очках с толстыми линзами, взмокший от старания, он бил ложкой о край кровати: «Один, два, три, пошел! Следующий!»

Я зашла в его комнату и тихо позвала:

— Дерек!

— Да, — еле слышно отозвался он.

Постоялец с ложкой в руке сидел в кровати с высокими, как у детской люльки, бортами.

— Ты чего орешь? — шепотом спросила я.

— Не знаю, — шепотом ответил Дерек.

В темной комнате беззвучно мерцал экран.

— Ты служил в армии?

— Да.

— А что ты в армии делал?

— Передай мне шоколад, пожалуйста, там на столе лежит, — попросил он вместо ответа.

— Так чем ты занимался?

Он развернул обертку, откусил кусочек шоколада и смущенно заулыбался:

— Я работал бухгалтером, начислял зарплату.

— А-а-а. Я думала, ты был генералом. Дерек, не кричи, пожалуйста, Маргарет очень плохо себя чувствует.

Погода стояла теплая, полная желтого солнца в густых еще кронах деревьев. Казалось, наступление сентября сохранили ото всех в тайне. Только низкое солнце выдавало осень, и длинные стебли иван-чая

в пуху и с коротким розовым соцветием наверху напоминали древка знамен разбитых наголову войск.

В столовой во время обеда было шумно, гремела музыка, звенела посуда. Я орудовала половником, разливая тыквенный суп по тарелкам, когда молоденькая медсестра коснулась моего плеча и зашептала, отдавая мятным холодком. Линда едва заметно дрожала, ее глаза блестели. Ей очень жаль, но Маргарет ушла, ну вы понимаете. В двенадцать сорок пять. Линда часто заморгала и чуть выпятила нижнюю губу, обдувая лицо. Сын еще в комнате, но ее надо подготовить, потому что Маргарет, то есть тело, заберут через час. Линда не может — понимаете? — ее переодеть. Времени у нас немного, до конца обеда ждать нельзя. Может быть, я соглашусь?

Слушая Линду, я вдруг увидела себя со стороны: короткая стрижка сзади сильно отросла, в черном переднике поверх формы, я стою, опираясь одной рукой на кухонную столешницу, а в окнах позади меня качаются на ветру ветки каштанового дерева с листвой, уже подернутой осенней ржавчиной. С моего половника натекала на пол оранжевая лужица. Мне казалось, время остановилось, а затем двинулось, как длинный состав, гремя и лязгая поочередно стыками вагонов, пока не добралось до меня, подхватило и увлекло. Я распоряжалась спокойно и уверенно, словно всегда знала, что делать в таких случаях. И голос мой стал мне чужим. И в оглушительной тишине пульс в висках бился мерным звоном колокола...

Я позвала с собой Джулию. Мы принесли теплую воду и махровые полотенца. Мы надели перчатки. Мы выбрали наряд. Мы работали молча, но я видела,

как моя помощница шевелит губами, читая молитву. В ванной тихо журчала вода: забыли закрыть. Мы не торопились, и было что-то самое настоящее, самое важное в этих минутах, словно собранных лупой в световой пучок и выжигающих в сердце каждое мгновение. Мы прибирали дом, покинутый навсегда, но чувствовали, что где-то в нем еще остается жизнь — последним хриплым вздохом, остывающим теплом, мелькнувшей по застывшему лицу тенью. Мы говорили с Маргарет, предупреждали, что повернем ее на бок или зачешем волосы назад, и боялись вывихнуть кисть, попадая в длинный узкий рукав. Укрыли теплым пледом так, словно еще топтались в предбаннике смерти и не решались отпустить Маргарет в последний, самый долгий и ответственный путь.

Джулия принесла из сада две белые розы.

— Я помню, — шепнула она, — Маргарет просила вложить цветки в ее руки.

Ее младший сын, растерянный и заплаканный великан, ожидал нас у двери комнаты. Он сгреб меня в охапку и обнимал так крепко и долго, словно боялся упасть без моей опоры.

— Спасибо, спасибо вам, — бормотал он.

— Нам выпала огромная честь, — ответила я.

Я вернулась к своим обязанностям, но до конца дня была оглушена. Было непривычно видеть смеющихся коллег, ужинающих постояльцев в столовой и багровый закат, разметавший синие облака за окном. Только неподвижный взгляд Джулии напоминал мне о том, что случилось днем.

Корнел нагнал меня по дороге домой.

— Я пока никому не говорил, что через неделю уезжаю. Завтра подам заявление, я решил тебе первой сказать. Мы уедем с Камиллой. Мы решили быть вместе.

Я видела, как ему хотелось говорить о своей любви, разделить свою редкую и неожиданную радость.

— Поздравляю, Корнел, — обрадовалась я.

— Надеюсь, она не пожалеет, — вздохнул Корнел. — Хочешь печенье?

Первыми уехали Корнел и Камилла, затем в октябре уволился Даниель, один за другим ушли Дерек и Салли, Мэри и Джек. Дом постепенно заселили новые постояльцы. Прошла осень с непрерывными дождями, осыпались липы, и на слипшейся, мокрой листве выстроились в ряд черные стволы.

Работая в доме престарелых, я словно начала интересную книгу с конца: со страниц одиночества, немощи и потерь. Однажды я поняла, что перемены неизбежны, если я заполню её середину волнением новых встреч, дождями и снегом, зноем и морозами, смехом и слезами, счастьем и отчаянием, радостью и разочарованием, всем бесценным, что может дать одна-единственная жизнь.

Благодарности

Я хочу поблагодарить мою маму и дочку. Они первыми читали новые главы, восхищались, а ведь автору большего и не требовалось. Я хочу поблагодарить своих коллег. Они делились своими историями, своими знаниями и вкусной домашней едой. И это придавало автору сил. Я хочу поблагодарить своих постояльцев, без которых книга бы не появилась. Они дарили свою любовь, доверие, благодарность. Я старалась выслушать тех, кто хотел говорить. Я пыталась утешить тех, кто жаловался. Я брала на прогулку тех, кто, как и я, радовался солнечному дню. Я держала за руку тех, кто умирал. Я танцевала с теми, кто не мог усидеть при звуках музыки на месте... Я обнимала тех, кто уходил. И из этого родилась моя книга.

*Виктория Янушевская
графство Оксфорд,
ноябрь, 2023*

Содержание

Foreword [Начало].....	5
Anabel [Анабель]	8
Barbara [Барбара]	15
Christmas eve [Сочельник]	21
Diana [Диана]	29
Elizabeth [Элизабет]	42
Fred [Фред].....	48
Gladys [Глэдис].....	55
Helen [Хелен].....	65
Irin [Айрин].....	69
Jack [Джек].....	78
Katherine [Кэтрин]	90
Lorraine [Лорейн]	101
Margaret [Маргарет].....	115

*Литературно-художественное издание
Издание для библиотек*

Серия: «Книга – утешение»

Виктория Александровна Янушевская

«СТАРЫЙ ДУБ»

*Сцены английской жизни
в тридцати комнатах care home*

Редакционная группа

Художник: Светлана Бундина

Редактор: Наталья Анатольевна Кулагина
(Редакторское бюро «По правилам»)

Корректор: Ольга Шаталова

Технический редактор, дизайнер обложки: Анастасия Аргутина
Дизайнер-верстальщик: Мария Ануфренкова

Издатель: Аня Амасова

Музей уникальных вещей
www.museumah.ru

Адрес для ваших писем:
anya@museumah.ru

Сувенирное издание на средства меценатов, подписной индекс: В11.

Формат: 140x200 мм. Тираж: 300 экз.

Дата подписания в печать: 30.11.2023. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ИПФ «Реноме»
www.renomespb.ru

ВИКТОРИЯ ЯНУШЕВСКАЯ

Тонко чувствующий писатель, обладающий даром деятельного сочувствия, иронии и доброты. Родилась в Санкт-Петербурге (1974). Окончила СПбТЭИ по специальности бухгалтер-экономист и медицинское училище. Живет в Великобритании и работает в хосписе графства Оксфорд care assistant. Свой уникальный опыт трансформирует в литературное творчество, создавая картины английской жизни, где главные персонажи — ее такие особенные, требующие специального ухода постояльцы и особенно удивительные коллеги со всего мира.

«Старый дуб» — это книга, состоящая из собранных под одной обложкой рассказов, написанных и опубликованных на сайте музея в 2021–2023 годах.

Герои рассказов — постояльцы и сотрудники небольшого дома престарелых — частного care home — в Великобритании. Книга позволяет читателю прожить четыре времени года в живописной английской деревне, получить знания о зарубежной практике ухода за пожилыми, центром которого является человек, а также опыт добра, ироничного взгляда и деятельного сострадания. И, может быть, найти утешение.

БЕСЦЕННО